
ЕВГЕНИЙ КАПБА
Из дикого леса
дикая тварь
18+

Евгений Капба

Из дикого леса дикая тварь

https://litres.ru/74749082
SelfPub; 2026

Аннотация

Мир Тверди для попаданцев - как настоящий магнит! Стах Темнорецкий гибнет на Земле, пытаясь разобрать заваленную буреломом дорогу во время грозы и приходит в себя в тюремной камере, в теле тоже Стаха Темнорецкого, но почему-то эльфа, почему-то принца, и почему-то - готового отправиться по этапу в качестве ссыльного - покорять просторы Аляски. Беда?

Как бы не так! Стах очень любит жизнь, даже если она не любит его. А еще и бонусов подсыпали: приятный голос, умение понимать язык животных и птиц и даже - немного гребаной магии!

Содержание

1. СМЕРТЬ ЭЛЬФИЙСКОГО ПРИНЦА 4
2. ВИЗИТ ПАНИ ДУБОТОВК 19
3. КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРОЙКА 34
4. АД НА КОЛЕСАХ 50
5. ПОРЧЕНЫЙ ДАР 65
6. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДОГОВОРЕННОСТИ 81
7. ЗНАКОМСТВО С ХТОНЬЮ 96
8. ВОРОНЕЖ 112
9. С ЛЕГКИМ ПАРОМ 125
1 141
Конец ознакомительного фрагмента. 142

Евгений Капба
Из дикого леса дикая тварь

1. СМЕРТЬ ЭЛЬФИЙСКОГО ПРИНЦА

Интерлюдия

На улице громыхала гроза, потоки первого майского ливня норовили пробиться в крохотный опорный пункт. Отдельные капли залетали внутрь сквозь разбитое зарешеченное окно камеры предварительного заключения. Порывы крепкого ветра дребезжали стеклами, пытались выломать дверь, катали по крыше обломанные ветки, пивные банки, сосновые шишки и прочее барахло.

— Эй, нача-а-а-альник! — заорал здоровенный татуированный гном и постучал кулаком по решетке, разделявшей опорник на две неравные части. — Тут эльф помирать улегся!

Лопоухий младший лейтенант — юноша, почти мальчик, в форме земской милиции — от неожиданности вскочил из-за стола, задел портупеей чашку с недопитым чаем. Керамическая посудина упала на бок, сладкая, горячая жижа залила документы: журнал, рапорт, какие-то отчеты

и справки.

— Ядрена мать! — басом выругался мальчик молодой и принялся смахивать со стола исходящую паром лужу, отряхивать бумаги и суетиться. — Здравствуй и прощай, моя премия!

— А с эльфом что делать? — продолжал орать гном. — Лежит на лавочке, лапки сложил и бледнеет, ушатый швайнехунд…

— Как — помирает? — спохватился милиционер. — Ему нельзя помирать! У меня — отчетность!

— Это лесной гамадрил! — заявил еще один сиделец из-за решетки.

Самого затрапезного вида гоблин потыкал в безучастного ко всему эльфа грязным корявым пальцем, принюхался, со знанием дела почесал свою заднищу, смачно харкнул в угол камеры и, поковыряв в носу, пояснил:

— То есть… Галадрим! Его эта… Замучила дисперсия… Диспепсия! Декомпрессия? — гоблин шмыгнул носом и задумался.

— Депрессия, думкоппфишие арсшлехт! — заорал гном, явно раздраженный манерами своего сокамерника. — И не смей харкать в помещении: это приличное КПЗ, а не какой-нибудь вонючий ИВС, ферштейн?

— А мы его будем есть? — гоблин снова принялся тыкать в эльфа: в щеку, плечо, в ребра. — Его можно съесть. Тут килограмм восемьдесять эльфийского, легкоусвояемо-

го, диетического мяса!

— А-а-атставить есть гамадрила… То есть — галадрима! — снова — басом, очень неожиданным для его субтильной комплекции, скомандовал младший лейтенант. — Это — целый арнель, то есть — эльфийский принц, Станислав Феанорович Темнорецкий. В скобочках — Мордуин.

— Какой еще мордвин? — удивился гном. — Не бывает эльфов-мордвинов в скобочках! Я мордвинов видел, они на него не похожи! Это не мордвин в скобочках, это — самый настоящий эльфийский эльф в процессе отхода в мир иной, дас ист кляр?

— А-а-атставить панику, я звоню врачу! — милиционер вернулся к столу, достал из ящика огромный красный, дисковый еще, оставшийся, наверное, со времен царя Гороха, телефон и принялся набирать номер.

— Ж-ж-ж-ж-жик чк-чк-чк-чк-чк, ж-жик-чк-чк, — издавал странные звуки аппарат.

— Вот, сопля паршивая, с нами целый прынц на шконке чалится, — поднял палец гном. — А ты жрать его собрался! Гидосный вы народ — гоблины! Прынцев есть — негигиенично!

— А ты — тупой, — парировал серокожий носатый коротышка и поковырялся мизинцем в большом волосатом ухе. — Мордвин! Это ты сказал, что он — мордвин! А тебе эльфийским по белому прочитали — мор-ду-ин, ваще-то! То есть — темная вода или там — речка, от диалекта за-

висит. Фамилие у него такое, эльфийское! А по-русски — Темнорецкий, соображаешь или ваще не алё?

Гном почесал затылок. В эльфийском он был не силен, не потому, что копил расовую ненависть к презренным остроухим, а потому, что в школе больше обращал внимание на выдающиеся достоинства молодой учительницы эльфийского, а не на лексику и грамматику ламбе — общепринятого языка европейских галадрим, авалонских эльдаров и сибирских лаэгрим. У него вообще с языками было не очень, он и родным-то шпракхом владел серединка на половинку, все больше по-русски изъяснялся, а гномские словечки вворачивал, чтобы показать свою принадлежность к подгорному народу. Выпендривался, в общем.

— Не алё я, да. А этот что — правда помрет? Гляди, какой весь изящный! Для такого, наверное, и гроб надо делать тоже — изящный. Такому обычное ДСП не подходит, наверное — из цельного массива полагается… С резьбой и цацками! — мысли гнома свернули в весьма странном направлении.

— Изящный… Говнящный! — откликнулся гоблин. — У него железные пальцы идиота, ваще-то! Видал, как он Сипатому руку выкрутил, в автозаке? Аж хрустнула в четырех местах. Чистой воды престидижитация! То есть… Прости-ту… А не, все правильно, я так и хотел сказать - престидижитация, да.

Гоблин опять потыкал в эльфа. Тот лежал на лавке,

и, казалось, уже начал холодеть. Точеные, симметричные черты его лица как будто заострились, глаза были закрыты, дыхание почти прекратилось. Из одежды на умирающем была только серая майка и легкие льняные штаны, что не очень-то соответствовало статусу принца. Худощавое, стройное, покрытое множеством синяков и ссадин, но при этом — весьма крепкое, как будто высеченное из мореного дуба, тело не двигалось.

— Ядрена мать… — вздохнул из-за стола милиционер. — Гребаная гроза, наверное — провода оборвала. И что нам с ним делать, если и вправду помрет?

— Сожрем? Я эльфятину ваще ни разу не пробовал, — доверительно заявил гоблин. — Курятину — пробовал, крысятину — тоже, собачатину — приходилось, даже однажды суслятину ел. И говядину, и конятину, и китятину, и ко…

— Химмельхерготт!!! — рявкнул гном. — За-а-аткни свою пасть! Нельзя есть эльфийских принцев, понимаешь? Вообще — это каннибализм!

— Это если б я гоблинов ел — был бы каннибализм. А это ж опыт! Уникальный гастроэнтерологический экскремент! — заявил гоблин и бочком-бочком стал подкрадываться к отходящему в мир иной эльфу. — У кого-нибудь есть горчица?

Гроза за окном буйствовала со страшной силой. Раскаты грома следовали один за другим, и, судя по почти от-

сутствующему временному зазору между взблеском молнии и грохотом в небесах, стихия разыгралась над самым опорным пунктом. В какой-то момент лампочка над головой сидящего в прострации младшего лейтенанта мигнула. Потом — еще и еще раз, а после странным образом запищала и с оглушительным хлопком лопнула.

В этот же самый момент послышался звук смачного шлепка, визг гоблина, глухой стук и молодой, звонкий голос произнес:

— О, курва! Чтоб я сдох!

— Что здесь происходит?! — милиционер нашел-таки штатный фонарик и подскочил к решетке, направив луч электрического света на сидельцев.

Первым, что увидел младший лейтенант, стало ошарашенное лицо гнома:

— А он нехорошими словами ругается! — ткнул татуированный здоровяк пальцем в сторону противоположной стены. — Ему же нельзя! Он же этот… Гамадрил! И прынц!

Луч фонаря дернулся — и выхватили из тьмы гоблина, который сползал вниз по решетке. Коротышка явно только что пережил эпический полет через всю камеру.

— Чего вы мной-то кидаетесь? — обиженно проговорил он и шмыгнул носом. — Я же за-ради науки! Я же, может, первым гоблином за сотню лет бы стал, кто принцятины бы продефло… дефрагментиро… де…

— Вот что, друзья мои! — раздался все тот же молодой голос. — Вы как хотите, а дегустировать себя я вам не дам! Не для того моя роза цвела, чтобы меня тут сожрать пытались! Как-то это не по-христиански!

Милиционер перевел фонарь на говорящего и, озадаченно сдвинув фуражку на затылок, спросил:

— А ты… Вы… чего — больше не помираете? Ну, в смысле, нет у вас больше депрессии?

— У кого депрессия? У меня? — удивился эльф, и его брови поползли вверх. — А-ха-ха-ха-ха!

Смех его был неприятным и каркающим, совсем не таким, какой полагается иметь эльфийским принцам. Но младший лейтенант уже проверил документы и знал, что арнель Мордуин из Болотных Ялин, он же Станислав Феанорович Темнорецкий, — принц не настоящий. Что-то вроде негритянского короля в экваториальной Африке. Вроде и величество, а вроде таких величеств там в каждой занюханной деревушке по штуке. Или — если в случае с полесскими галадрим — то на каждом хуторе. Никакое не высочество, в общем, а так себе светлость, но все-таки аристократ, хоть ты тресни! Может, еще и одаренный, тогда — вообще беда!

— Товарищ офицер, разрешите обратиться… — вдруг прекратил смеяться молодой галадрим и пригладил волосы.

— Тамбовский волк тебе товарищ, — откликнулся младший лейтенант басом.

— Ну, хоть что-то не изменилось, слава Богу… То есть… — Станислав Темнорецкий пощелкал пальцами. — Илуватару, да? Слава Илуватару, короче. Так я спрошу?

— Ну спроси, — милиционер продолжал светить в лицо эльфу.

Не специально, а так — рефлекторно.

— Какое сегодня число у нас, где я нахожусь и за что сюда загремел? И почему этот черт ушастый собирался меня дегустировать? У вас тут так принято: друг друга кушать, или это он сам такой конченый?

***

Ну, предположим, число не сильно отличалось — у нас май и тут май. Ровно тот же самый день, а точнее — ночь, когда чертов тополь рухнул на трассу Речица — Болотные Ялины, и мы с Грецким погнали разгребаться с этой проблемой. Ну, а как иначе? Шпаричиха скорую вызвала, у нее от грозы сердце прихватило, а как скорая проедет, если тополь поперек проезжей части лежит, в пяти километрах от деревни?

Так-то я сучкорубом в Болотных Ялинах последние три месяца батрачил, в лесхозе, но допуска для работы на буреломах у меня пока не было. Но не бросать же Грецкого одного! Да и вообще — авральная ситуация, стихия бушует, Шпаричиха стонет, надо что-то делать! Так что Грецкий кинул в кузов «Валдая» бензопилу, каски и прочую снарягу, я — прихватил любимую «Хускварну» и еще всякого — по

мелочи, и мы рванули к месту падения.

Солохин, наш лесничий, в отпуске был, грел кости в Турции, так что вроде как Грецкий мог считаться главным. Когда мы увидели, что объем работы тут — явно не один тополь, а целая чертова придорожная роща, вырванная с корнем и ровным рядочком улегшаяся на асфальт, мой товарищ стал набирать мужикам, потому что непогода — непогодой, но и такой бардак на трассе — это для нашей деревни полный коллапс.

Автолавка не доедет, скорая не доберется, дети в школу не попадут. Короче — работать надо.

Я и решил — работать. Толку-то сидеть? Вытянул «Хускварну» из-под сидения, протер лезвие, взялся за отполированное моими собственными руками топорище и выпрыгнул из кабины, под дождь. Ну, а куда деваться. Еще и дулю небу показал:

— Курва!

Кто ж знал, что все оно так обернется и меня молнией убьет? Знал бы — не показывал бы. Наверное…

Хотя кого я обманываю? Конечно — показал бы! Я в принципе человек не особенно приятный, что уж тут скрывать. Или — уже не человек?

Закинув за спину внезапно отросшие волосы, я снова оглядел камеру, опорный пункт и всех присутствующих. Похоже, выражение лица у меня было то еще.

— У тебя что — амнезия? — спросил меня лопоухий то-

варищ милиционер низким голосом.

— Черт… Э-э-э-э… Мелькор его знает! — спохватился я. — Тут помню, тут не помню!

— А звать-то тебя как, болезный? — участливо спросил бородатый коренастый мужик ростом метр шестьдесят или около того.

Судя по всему — гном! Если я вообще правильно мог интерпретировать ту мешанину, что сейчас творилась у меня в голове.

— Стах Темнорецкий! — откликнулся я.

— Стасик? — уточнил он.

Я тут же встал с места и набычился:

— Сам ты — Стасик, друг. Еще раз назови меня так — и я в тебя лавкой запущу! — от таких вещей меня подкидывало.

Папашу своего я знать не знал. От него мне только фамилия осталась — красивая, и имя он в ЗАГСе записал — Стас! Станислав, стало быть. Что вообще может быть хуже, чем Стас? Антон разве что. И Эдик. Но на такое гадство даже у моего родителя совести не хватило, так что он Стасом ограничился.

А потом меня наши поляки Стахом стали звать, и мне понравилось. Классно звучит, почти как Лёха или Миха!

— А-а-атставить швыряться лавкой! — вспомнил о своем официальном статусе милиционер. — Она казенная! И вообще — кончайте дурить! Отбой в КПЗ, света-то все равно нет! До утра объявляю минуту молчания… То есть… Тихий

час! Ну вас к черту, господа сидельцы, вы меня уже до белого каления довели своими выбрыками! То он помирает, то он не помирает… То этот дегустирует, то он не дегустирует… Сумасшедший дом, а не опорный пункт земской милиции!

Он ушел к своему столу, отодвинул стул, уселся, сложил руки прямо на мокрой столешнице, оперся на них лбом и, спустя примерно минуту, всхрапнул и уснул.

— Все, — сказал гном. — Аллес капут. Начальник устал. Всех помирил и спит. Меня, кстати, Надфилем зовут.

— А меня — Кузьмой, — сообщил мелкий носатый-ушатый говнюк.

— Темнорецкий, — представился я.

— Ага, Станислав Феанорович, — закивал Надфиль. — Мордвин!

— Он не мордвин, а Мор-ду-ин! Эльф! — возмутился гоблин так, будто ему нанесли личное оскорбление.

— Йа-а-а? — вырвалось из моего рта.

То есть оно как-то на краю сознания уже что-то такое было, но вот напрямую, чтоб прямо в лоб — нет, так конкретно я этого пока не понял. Если эльф, то… Я тут же пощупал свои уши.

— О, курва… — они были острыми!

В темноте разглядеть что-либо еще не представлялось возможным, да и зеркал тут не предвиделось, но мне вдруг стало очень-очень обидно. Почему?

Ну, во-первых, потому, что у меня только-только начала

налаживаться жизнь. В Ялинском лесничестве мне работалось нормально, и платили хорошо, а Танька из автолавки уже два раза оставалась у меня ночевать, и я, ей-богу, совсем был не против продолжить. Симпатичная такая женщина, веселая, и моложе на пять лет! А еще — библиотека в нашем клубе неожиданно богато пополнилась, пока я отсутствовал, и река имелась, и воздух — отличный, и жилплощадь выделили — избу на пятьдесят квадратов, пусть и с печным отоплением. Но зато — туалет внутри, и электричество. Не зря, в общем, на малую родину вернулся после всех мытарств. Все у меня пошло как надо, по-людски. И кот у меня появился, и собака. И как они теперь без меня там?

Меня ведь молнией убило, похоже…

А во-вторых, мне никогда не нравились эльфы! Я всегда во все компьютерные игры играл за гномов и фанател от Гимли, и слушал «Windrose». Я чертовски любил топоры, даже швырять их научился — отчетливо в мишень! И бороду растил, даже в косичку заплетал пару раз. А тут — эльф! Такая досада…

— Ты чего приуныл? — спросил меня гном.

— Так это… Я, получается, попаданец! — выдал я, не подумав.

— А, ну бывает! Дело житейское, — пожал плечами Надфиль. — Это Твердь, привыкай. Кто-то вон гоблин, как Кузя, и два шага, не рыгнув и не перднув, пройти не может, другие упыри — они вообще у людей сосут, а третьи, как вон наш

начальник — в земской милиции работают… Вот где хтонь почище Аномалий, а? У каждого — свои проблемы! Так что попаданец — это вроде как не самое худшее еще. Знавал я одного попаданца — он в айтишке работал. Игру придумал, где кубички с неба падают и складываются. Интересно так!

— Тетрис? — спросил я, не веря своим ушам.

— Ну… Вроде того, я не особенно в этом плане разбираюсь, я больше по машинам. Кубички, говорю, падают… На экранчике! — он зевнул. — Ты мне сразу скажи: резать меня ночью придешь или нормально жить будем?

— А с чего мне тебя резать? — удивился я.

— Ну — ты эльф, я гном! Старая вражда, Наугламир там, Трандуил и всякое такое остальное древнее швайнешайзе… — без особого энтузиазма проговорил он. — По тюрьмам такое культивируется.

— Веришь, нет — насрать мне на Наугламир, — со всей эльфийской прямотой заявил я.

— Ты капец какой неправильный эльф, — закатил глаза он. — А! Ты же попаданец… Только не говори никому, ладно? Не то, чтобы какая-то дискриминация или типа того, просто… ну… тут не принято выпячивать такие вещи. Вот ты нам ляпнул — и хватит… Младшему лейтенантику не додумайся сказать! Стой на своем.

— Знать бы еще — на чем… — скорчил рожу я.

— Ну, что ты не мог детей спасти, не угробив взрослых! — вдруг выдал гном. — Ты ж за двойное убийство сюда по-

пал, не помнишь, что ли? С другой стороны — не помнишь и не помнишь, мне какое дело… Точно резать меня не будешь? А то мне душить тебя дико в лом, ферштейн? Я б лучше поспал.

— Ладно, будем спать… — решил я. — А мелкий этот — он меня опять жрать не станет?

— Не стану, — пискнул гоблин Кузя. — Ты несъедобный, я те говорю. От тебя мхом несет, и на вкус — как суккулент. Бе!

Я почувствовал, что голова моя бедная сейчас лопнет, и потому улегся на лавку и стал пялиться в потолок. Мало мне проблем — теперь еще и на вкус, как суккулент! Как с этим жить?

— Может, ты опять сдохнешь? — с надеждой спросил гоблин. — Может, ферментированная эльфятина — она более, чем менее?

— Хрен тебе, — откликнулся я. — Я страшно люблю жизнь. Жизнь — офигенная штука, как ни крути. Особенно, если смерть — это никакой не конец.

— Наш путь не кончается смертью. Смерть — лишь продолжение пути, начертанное всем. Серая, как дождь, завеса этого мира отдёрнется, и откроется серебристое окно. И ты увидишь белые берега и за ними — далёкие зелёные холмы под восходящим солнцем!— я услышал эти слова так явно, как будто кто-то произнес их у меня над ухом.

Вздрогнув, я снова сел на лавку: гном уже храпел на сво-

ем месте, гоблин елозил задницей в углу на какой-то куче соломы, милиционер спал за столом. Никого здесь больше не было.

— Брехня, — сказал я шепотом. — Никаких зеленых холмов. Вонючая КПЗ, дождь за окном и лавка с занозами. И это — прекрасно, просто — прекрасно!

И ничуть при этом не кривил душой.

2. ВИЗИТ ПАНИ ДУБОТОВК

Утро началось со стуков и криков. Мне даже глаза открывать расхотелось: когда так орут и стучат, ничего хорошего от грядущего дня ожидать не приходится. Поэтому — я притворялся спящим, но всеми остальными органами чувств впитывал информацию об окружающем мире.

Пахло асфальтом после дождя, прелой соломой, печеной прошлогодней картошкой, немытым и потным телом с нотками металла и каменной крошки, помойкой, дорогими духами и вчерашним перегаром.

С некоторым удивлением я осознал, что металлом и камнем пахнет от Надфиля, и по этому амбре я узна́ю его не хуже, чем если бы мне показали его фотографию! Помойкой несло, понятно, от гоблина Кузи, а вот перегаром и духами — от двух новых персонажей, которые пытались проникнуть в опорный пункт.

Это что — первые бонусы от пребывания в остроухом теле? Какое-то прокачанное обоняние? Очень интересно!

Я прислушался и понял, что у одного из прибывших скрипит портупея, точно так же, как у нашего младшего лейтенанта, а вторая — женщина, потому что каблуками цокает по крыльцу. К суперскому обонянию добавился еще и обостренный слух — просто отлично!

— Свали отсюда, свали, я кому сказал, это мое дерево!

— орал кто-то со двора тонким голосом. — Я тебе клюв на жопу натяну, слышишь?!

Я вздрогнул и вместо крика услышал пение птиц — вроде как скворцов. Слуховые галлюцинации, похоже. Сначала Гэндальф с его идеями о посмертии мерещится, теперь — писклявые голоса вместо птичек…

— Коровкин! Коровкин, чтоб тебя! — вот эта реплика мне точно не померещилась, это кричал тот, с перегаром, и голос у него был сиплый с перепоя. — А ну открывай! Утро на дворе, полдевятого, у тебя дежурство почти кончилось!

— Ядрена ма-а-ать!!! — заорав басом, лопоухий младший лейтенант вскочил и, судя по грохоту, на сей раз опрокинул уже весь стол. — Господи, за что мне это?!

— Ты там не помер? — спросили из-за дверей.

— Я стол уронил!

— Открывай давай, будем разбираться…

Конечно, младший лейтенант ночью закрыл дверь на ключ и потерял его в куче хлама, который оказался на полу вместе с опрокинутым столом, о чем и сообщил всему миру матерно.

Я старательно притворялся спящим, и получалось, кажется, неплохо. По крайней мере, помоечный Кузя спросил у металло-каменного Надфиля:

— Как думаешь, мордвин наш, может, все-таки помер?

Я тут же изобразил пальцами дулю и ткнул в сторону голосов:

— Жизнь слишком прекрасна, чтобы помирать насовсем! — заявил я.

— Блин, а я, ваще-то, есть тебя передумал, — сообщил мне гоблин. — Я штанцы твои себе присмотрел. Их подвернуть — и буду как триппер! Нет… То есть… Трикстер? Хиппер! Э-э-э-э… Как-то наш пан-атаман их называл… Хлипкер?

— А я что — мудями в обществе трясти буду, по-твоему? — я сел на лавке и потянулся. — Слушай, я же эльф, а не абориген какой-нибудь. Мне без штанов не полагается! Даже если помирать — то лучше в штанах, чем без штанов.

Милиционер копошился на полу, пытаясь найти ключ, сокамерники мои проводили время в праздности: гном лежа на лавке чесал пузо, Кузьма пытался проковырять дырку в кирпичной стене пальцем — без особого энтузиазма.

— Гы! — сказал Надфиль. — А Кузеньку-то нашего за то, что мудями тряс, и арестовали.

— За эскапизм, — гордо пояснил гоблин, отвлекаясь от процесса ковыряния. — Я у Чикалки тут завис, она в автолавке работает. А-а-агонь девка, такая энергичная! У-у-ух, просто! А потом мужик её ёный пришел, такой мерзкий зеленый снага с толстыми руками, и сбросил меня с балкона. Я не убился, но волей-неволей в эскаписты… Падажжи! Экзорцисты? Короче, ну вот кто там на публике мудями трясет? Вот в них меня записали. И задержали до выяснения!

— А я тачки угоняю. Древние, — пояснил Надфиль. —

Такие, чтобы с двигателем внутреннего сгорания. Раритетные. Люблю я запах бензина по утрам, понимаешь? Страсть у меня такая. За это и повязали, на горяченьком. Теперь пойду по этапу! А тебя как взяли? На горяченьком?

— А я как в той поговорке: одно лечим, другое — калечим, — доверительно сообщил я. — У меня дар — порченый. Хотел помочь людям — получилось хреново, и меня вот упаковали…

— Люди — говно на блюде, — понимающе покивали гном и гоблин. — С ними ухо нужно держать востро!

Я пребывал в шоке от выданной самим собой тирады про порченый дар и все остальное. Информация эта для местного меня являлась, похоже, очевидной и понятной, но ничего такого я-настоящий, вообще-то, не помнил. Однако, раз уж выпало мне быть попаданцем, стоило поначалу пообвыкнуться и принимать мир и новую жизнь такими, какие они есть.

Панику и психи можно оставить на потом, когда ситуация прояснится.

К тому же у меня уже имелся опыт своего рода попаданчества. И притом — многократный! Так из родных Болотных Ялин я сбежал в десятом классе в колледж, оказавшись в общаге, где быт и нравы очень сильно отличались от наших деревенских. Потом — армия, и новые правила, для меня совсем несвойственные. Никогда не умел подстраиваться под коллектив, а там — все отвечают за одного, индивидуаль-

ность не имеет значения, всё — чудовищно и однообразно. Да — многому научился, много хороших людей встретил, но и дерьмеца насмотрелся немало. В общем — всем рекомендую, провел время с пользой, но это не прям так чтоб очень охеренный досуг.

Еще была провальная в целом попытка отучиться в университете, побег из него, и — прыжки между разными работами. Вахты на Русский Север, какие-то полулегальные шабашки в Польше, подработки в гостиничной сфере в Черногории, охрана казино в Минске, таксование в Гомеле, всякие развлекаловки и мероприятия в Питере: я швырял разные острые предметы на потеху публике. Например — топоры, очень мне это нравится.

А потом, когда возраст перемахнул далеко за тридцать, снова оказался я в родных Болотных Ялинах и почти устаканился в жизни. Ага, работал сучкорубом или, если говорить культурно, обрубщиком сучьев в Ялинском лесничестве Речицкого опытного лесхоза.

Сплошное попаданчество каждые два-три года, радикальная смена окружения и локации.

Почему? Потому, что я человек сам по себе не очень приятный, неудобный, неуживчивый. Не люблю терпеть всякое дерьмо, такое дело. Да и меня терпеть сложно. Кому нужен такой Стах Темнорецкий, который вечно лезет со своим сраным мнением и задает очень много вопросов, а если ответы ему не нравятся — швыряется тяжелыми предметами?

Я даже в тюрьме как-то сидел. В Питере, пятнадцать суток. Не тюрьма, понятно, спецприемник на Захарьевской. Вот где хуже, чем в армии! Очень не охеренное времяпрепровождение. Например — общество своеобразное, да и кормят плохо. Тут тоже плохо кормили — точнее, никак не кормили! А еще мне хотелось в туалет. С туалетом в тюрьме любого формата тоже по традиции имелись проблемы. И здешняя КПЗ исключением не стала.

В углу располагалась натуральная параша — такой туалет вровень с полом, над которым нужно сесть в позе орла и бдить, думая о вечном. От внешнего мира парашу ограждала только ненадежная на вид ширмочка.

Делать нечего — я поднялся с лавочки с невозмутимым видом и отправился за ширмочку. И сразу же столкнулся с очевидной проблемой: в параше было нагажено. А я-то думал, откуда такая вонища? При этом кто-то хозяйственный оставил рядом с нужником пластмассовый ёршик, да и наличие бачка, прикрученного к стене, говорило о том, что такая ситуация — не системный кризис, а личный выбор обитателей КПЗ.

Вся моя натура воспротивилась необходимости испражняться в таком неухоженном месте, так что, вооружившись ершиком, я принялся за работу.

— Э! — раздался удивленный голос Надфиля. — Зашквар парашу мыть! Че, прынцу разве положено?

— Принцу зашквар в таком говне обитать, — сообщил

я, ощущая, что обе части моей натуры — земная и местная — в этом вполне единодушны. — А чистоту поддерживать и порядок наводить — не зашквар.

— Резонаторно! — вдруг кивнул гоблин. — Сас мыслам! Снок щибательная логика, ваще-то! Ты прям как пан-атаман задвигаешь. Грязные вуки всему виной, мойте вуки перед едой!

Я аж чуть ёршик не выронил:

— Как-как ты сказал?!

— Ну вуки! Пан-атаман говорит, что это зверолюды какие-то, очень способные в плане техники, — сообщил мне гоблин.

Справившись с селитряными отложениями внутри параши, я несколько раз смыл, и наконец мой внутренний перфекционист был удовлетворен.

— А теперь, товарищи мои по несчастью, я сердечно попрошу вас отвернуться и не смотреть, — проговорил я.

— Йа, ферштейн, — кивнул Надфиль задумчиво.

Он ухватил гоблина за шкирку и переставил поближе к решетке. Там как раз милиционер нашел ключи и пошел открывать дверь, так что времени у меня оставалось мало.

— Ты понимаешь, какую философию он только что задвинул? — вопрошал гном у Кузьмы. — Это ж получается, все наоборот! Кто парашу драит — тот молодец! А кто не драит — тот, получается, ферфлюхтише швайне!

— Ваще-то, про это еще пан-атаман… — завел свою шар-

манку гоблин.

— Да я вертел твоего орочьего атамана, я тебе про философию…

В общем, свои дела я сумел сделать в довольно спокойной обстановке. И выиграть время, потому как новые персонажи в опорнике появились как раз в тот момент, когда я прятался за ширмочкой.

— Пани Жоржина Дуботовк — младший лейтенант Коровкин. Младший лейтенант, это пани Дуботовк — хозяйка поместья и юридики Гагали, пострадавшая сторона в деле этого вашего… Станислава Темнорецкого… — проговорил тот, от которого несло перегаром.

Я и из-за ширмочки всё чуял.

— Так нет еще никакого дела, господин майор… — заикнулся Коровкин.

— Ма-а-алчать! Есть два тр-р-рупа! Есть применение эльфийской магии в земщине! Значит — будет дело!

— Господин майор, не горячитесь. Дела может и не быть, если я отзову заявление, — проговорил приятный женский голос. — Но для этого мне нужно поговорить с Темнорецким. Кстати, а где он?

Я смыл за собой, натянул штаны, встал и сказал:

— А вот он я.

И пошел мыть руки — рукомойник висел с другой стороны ширмочки.

— Фу, как некультурно! — фыркнула незнакомка. — И

это — арнель галадрим? Какое мужланство!

— Некультурно было бы, если бы я при вас наложил в штаны или приветствовал бы господина майора рукопожатием, не вымыв ладоней после того, как подтирал задницу, — сообщил я. — А еще некультурно не смывать за собой. Вот это, как говорят мои сокамерники, — это зашквар!

Гном и гоблин радостно загыгыкали.

— Не паясничайте, — сказал майор, который оказался грузным мужчиной в точно такой же, как у Коровкина, форме, но с другими знаками различия. — Вы не в том положении. В земщине сословные привилегии не работают, тут все равны — аристократы и простолюдины, одаренные и цивильные, люди, орки, эльфы и гномы. Всем плевать на ваше происхождение… Ваша светлость.

Конечно, плевать… Ага. Так я и поверил. Все разговоры про равенство — полный бред, в любом из миров. Вот и женщина эта — Жоржина Дуботовк — явно была птицей высокого полета, куда выше чем милиционеры. Элегантное черное платье с сексуальным разрезом, туфли на шпильках, ювелирные украшения, сложная прическа с траурной лентой — и это с самого утра! Абы кто так ради поездки в опорный пункт наряжаться не станет!

И да, что касается лица и фигуры — там тоже все было более чем в порядке. Эдакие суперухоженные «тридцать плюс», которые легко дадут фору свеженьким девятнадцати. В общем, пани Дуботовк, конечно, женщиной была краси-

вой, и я на нее отвлекся. Но это не помешало мне врубиться в происходящее: мне пытались скормить настоящую муть.

— Вы содержите под стражей аристократа, одаренного, галадрим, — отчеканил я. — Я нахожусь вне юрисдикции земской милиции. Вы должны уведомить ярыжек, пригласить представителей Сыскного приказа, и только после этого я начну воспринимать вас всерьез. Я могу вести себя так, как захочу, могу даже уйти отсюда, пресекая ваши попытки мне помешать. Nérya antaina Aranduro!

Это было очень стремно: осознавать, что в моей тираде смешались два слоя — юридическая подкованность местного Мордуина и моя родная наглость. Ни он, ни я по одиночке не сумели бы выдать такой панч, однозначно. А последнюю фразу, к своему ужасу, я понял так же легко, как если бы она звучала на русском или белорусском языке. «Мое право, дарованное Государем!» — вот как она переводилась с ламбе — местного эльфийского наречия.

При упоминании Государя милиционеры переглянулись, а панночка даже поежилась. И это я про себя отметил. Значит — монархия и монарха тут сильно уважают? Запомним, запомним.

— Ну зачем же вы все обостряете, ваша светлость? — бархатным голосом проговорила Жоржина Дуботовк. — Наши недоразумения можно решить путем переговоров. Господа, я попросила бы вас оставить нас наедине, нам нужно пообщаться с его светлостью.

— Коровкин — организуй! — тут же кивнул майор.

— Так не положено, тут у меня задержанные… — начал было младший лейтенант, но осекся. — Ганс Надельфайль, Кузьма Ордынский — два шага вперед, руки просунуть сквозь решетку… Темнорецкий — отойдите к стене.

Я стоял у окошка, вдыхал запах полевых цветов, который доносился сквозь дырки в оконном стекле, и наблюдал, как на моих сокамерников надевают наручники, а после — выводят. Ничего себе конвой — целый младший лейтенант и настоящий майор! Солидно.

Пани подошла к решетке и сказала:

— С одной стороны, у нас два трупа близких мне людей: мужа и деверя. С другой — выжили мои племянницы. И тот и другой факт очевидно фонят эльфийской магией жизни. Я навела справки, прежде чем приезжать сюда, к вам… Мне известно, что вы отправились в добровольное изгнание из-за порченого дара. И, насколько я могу судить, дар этот довольно традиционный для вашего племени. Жизнь во всех ее проявлениях: целительство, природа…

Я пожал плечами, на самом деле мотая все услышанное себе на отсутствующий ус.

— Сейчас мы находимся в зоне действия негатора магии, — продолжила Жоржина Дуботовк. — Такие теперь и в полицейских участках, и в отделах милиции по всей стране волей обожаемого нашего Государя Иоанна Иоанновича устанавливают. Поэтому я свою теорию проверить не могу,

но кажется, что вы, ваша светлость, использовали остатки жизненной энергии одних, чтобы вылечить других. Так что, имея некоторый вес в Речицком уезде, я могу выставить вас как убийцей двух аристократов, так и благородным арнелем, спасителем детей.

— Остатков, — вычленил из ее речи самое главное. — Остатков жизненных сил, вы сказали?

— О, я прекрасно знаю, что вы не нападали на моего супруга и семью его брата. — Она выглядела слишком уверенной в себе для скорбящей вдовы. — Но вы очень кстати там оказались. Девочки ни в чем не виноваты, очень жаль, что они попали под удар…

Это звучало очень, очень провокационно.

— Итак, мое предложение! — из-за корсажа платья, картинно, она достала свернутую в трубочку бумагу и протянула мне.

Я шагнул вперед, развернул документ и сразу потерялся: все буквы были сплошь латинскими!

— Ya, arnel' galadrim Stanislav Feanorovich Temnoreckij (Morduin), edinstvennyj i polnovlastnyj vladelec imeniya Bolotnye Yaliny, kotoroe vklyuchaet v sebya 794,3767 gektara lesnyh ugodij, razvaliny dvorca, zhilye i hozyajstvennye postrojki…

Примерно так мы в школе писали шифры — русские слова английским шрифтом. Проморгавшись, я перестроился:

— …добровольно, в трезвом уме и добром здравии, пере-

даю все права на вышеназванное имение госпоже Жоржине Александровне Дуботовк, урожденной Скшетуской, потомственной аристократке, за денежной вознаграждение в размере 5500000 денег Государства Росийского в вечное и наследуемое владение… — И оторвал взгляд от бумаги.

Я понятия не имел о местных ценах. И Мордуин — тоже. Но мы оба были абсолютно солидарны в одном:

— Nossënya ná ú-manina! — сказал я и порвал документ на две части.

— Что-что, проситите?

— Не прадаецца хата бацькоў, — перевел я на белорусский. — Родительский дом — не продается, будь я хоть трижды изгнанником. Там живут галадрим, кроме этого леса и Болотных Ялин, у них нет ничего. И да, сейчас я представляю собой угрозу для них — моих родичей, для леса… Но, пани Дуботовк, я Эру Илуватаром клянусь — когда-нибудь это изменится и я вернусь. И если я узнаю, что хоть волос упал с головы кого-то из моего клана…

— Идиот, — прошипела Жоржина Александровна. — Остроухий напыщенный идиот. «Не прадаецца хата бацькоў», ну надо же! Ты бы еще про «родны кут як ты мне мілы» спел! Твой народ не принимает тебя, и местное быдло — тоже не примет. Идиотская принципиальность, и ты за нее поплатишься, будь уверен. Мне достанет связей отправить тебя в самую далекую дыру в мире, уже поверь. И вернуться оттуда будет о-о-о-очень сложно…

— Напугала ежа голой жопой, — расхохотался я. — Только не швыряй меня в терновый куст, пани Дуботовк!

По всему выходило — я изгнанник и наворотил тут дел. И изображать из себя эльфийского принца у меня не очень-то получается! Вывод очень простой: мне нужно убраться как можно дальше, где мои странности можно списать на какие угодно причины — может, детство сложное было или по голове много раз били? И эта самая Дуботовк обещает запереть меня на край Земли? То есть — на край Тверди, если по-местному…

В любом случае — сопротивляться я не буду. Убить она меня не может, сгноить в тюрьме — тоже. Только — отправить. Она сама сказала. Ну и пусть отправляет, за казенный-то счет!

— Кто ты? — вдруг испуганно проговорила пани. — Ты не лесной галадрим, совсем нет! Как я сразу не обратила внимание? А, проклятье… Как жаль, что ты такой неуступчивый! Плевать, хоть протухни где-нибудь в Поронайске или на Кадьяке, будешь до конца жизни на границе Хтони тюленей кормить! А твой клан… Я найду к ним подход, уж поверь.

Жоржина Александровна подошла к окну и крикнула:

— Эй, майор! Мы поговорили и не нашли понимания. Мое присутствие тут больше не требуется, этот Темнорецкий — закоренелый преступник и безжалостный убийца. Ему самое место — в вечной ссылке, подальше от приличного общества.

Она вышла на крыльцо, и я услышал звон монет — увесистых, крупного номинала. Взятка — это ладно. Тут в ходу монеты — вот это прям интересно!

Каблуки зацокали, и спустя примерно полминуты хлопнула автомобильная дверца, и послышалось легкое, едва слышное гудение — заработал электромотор. Монеты, электрокары, латинский шрифт, паны, Государь и эльфы. И магия! Определенно — мой новый мир заслуживал того, чтобы я в нем освоился!

3. КОНТРРЕВОЛЮЦИОННАЯ ТРОЙКА

Я так понял: у них тут царила махровая контрреволюция после смутного времени. Царь-батюшка порядок наводил железной рукой. Осенью-зимой неладно было в Датском королевстве… То есть — в Российском Государстве. Государь болел, наследники власть делили, аристократия распоясалась, соседи оборзели — в общем, по стандартной схеме. А теперь все устаканилось, Иоанн Иоаннович, отец родной, в себя пришел, и началась раздача слонов.

И тем, кто нарушал вековые устои, обеспечивающие разным административно-территориальным единицам их права и вольности, слонов раздавали очень охеренных. Потому что именно вот эта лоскутность и разнообразие почему-то считались одним из столпов, на которых стояла и стоит Русская Земля.

Кажется — ну как может жить и процветать государство, в котором существуют четыре абсолютно разных общественных строя? Оказывается — вполне себе, почти пятьсот лет уже…

Юридики, сервитуты, опричные территории и громадная земщина — вот как это называлось.

Так домены или — официальным языком — юриди-

ки принадлежали конкретному аристократическому роду — как, например, Гагали у Дуботовков или Болотные Ялины — у нашего эльфийского лесного клана Мордуин. Там каждый владетель был волен распоряжаться по собственному усмотрению, вроде как даже крепостные крестьяне существовали, пусть и на современный манер — с контрактом, печатью и подписью. Бóльшая часть аристократов владела магией, по крайней мере, — главы и наследники знатных родов — точно, и в своих имениях они могли магичить как угодно и сколько угодно.

А вот в земщине, которая составляла бóльшую часть местного Государства Российского, магия была под запретом. Почему-то, когда произносили слово «земщина», в голове у меня всплывали городские пейзажи точь-в-точь такие, какие я видел в раннем детстве, в девяностые годы, в нашем районном центре: панельные пятиэтажки, трава, растущая сквозь трещины в асфальте, ржавые автобусные остановки и орки в спортивных костюмах у подъездов.

Орков в моем детстве не было. Зато были другие интересные персонажи, которые не очень хорошо относились к деревенским пацанам. Мордуин, похоже, в земщине бывал редко, он вообще старался из лесу пореже выбираться, хотя порой — приходилось, так что мир нам придется изучать вместе…

Имелись тут еще и загадочные сервитуты — что-то вроде свободных экономических зон, местной Тортуги, или, если

угодно, порто-франко. Эдакая земля равных возможностей, где магия соседствовала с научными экспериментами, и киборг вполне мог прогуливаться рядом с волшебницей. Права сервитутов населенные пункты получали в основном из-за опасного местоположения — на границе с другими государствами, — как, например, казацкие станицы, или из-за возникновения рядом Аномалий — предстояло еще разобраться, что это за дрянь такая. Когда тут кто-то говорил «аномалия», он подразумевал «хтонь», что бы это ни значило.

В любом случае — сервитутскому народу часто приходилось брать в руки оружие, защищать себя всеми доступными способами: фамильным клинком, ручным пулеметом или там файерболом. За такой образ жизни и полагались им вольности, немыслимые для земских обывателей и уж тем более — для кабальных крестьян.

Ну и опричнина, с натуральными опричниками, да. Благодаря суровым ребятам, на шевронах которых легко было рассмотреть песьи головы и метлы, я и сумел вот это все почитать. Опричный спецназ — огромные дядьки в черной броне, выглядящей так, будто они вот-вот пойдут на абордаж космического крейсера. И транспорт соответствующий — настоящий броневик из фильмов про антиутопическое будущее.

В отличие от земской милиции, эти ко мне отнеслись со всем уважением: после того как забрали из Глыбовского опорного пункта и привезли в Речицкий уездный суд, —

провели в отдельное помещение, вполне приличное. Комнатенка была крохотной, но совсем не напоминала КПЗ. Меня усадили в кресло, за небольшой изящный столик, предложили на выбор чтиво: какие-то журналы, газеты, даже чаем угостили и бутербродом — с сыром и огурцами, — который я слопал с большим удовольствием. Еще бы — первая еда со вчерашнего вечера!

Так я и сидел — ломал глаза о латинские буквы, читал все, до чего мог дотянуться, и пил чай, пока ко мне не зашел некий усатый, подтянутый молодой офицер в черном мундире футуристического вида. На плече его можно было рассмотреть стилизованное изображение двуглавого орла — геометричного, с короной между головами, мечом и молотом в лапах. Не совсем такого, как в привычной мне геральдике.

— Тройка сейчас занята, вам придется подождать, ваша светлость, — сказал он, глядя мне прямо в глаза. — Рекомендую сразу просить заменить наказание высылкой на Аляску: там хорошие подъемные и возможность обзавестись землей. Государь настроен освоить этот край, поэтому даже в вашем случае тройка пойдет навстречу. Вы же одаренный, и к тому же — целитель…

Я поморщился: все это время меня держали под воздействием негатора магии, имея в виду, что я одаренный. Как я понял, сначала работал стационарный негатор — в опорнике, потом — мобильный, в виде браслета на моей руке. Его

как раз опричники застегнули, прежде чем из КПЗ вывести. Может, из-за действия этих штучек, а может — потому что я был попаданцем, никаких сверхспособностей в себе я не ощущал. Ну кроме обоняния и слуха.

— Вы рекомендуете? — переспросил я.

Он истолковал мои сомнения по-своему:

— Ах да… Моя фамилия — Выготский, штабс-капитан Иван Выготский, Белорусский опричный полк, — он щелкнул каблуками и пригладил усы. — Потомственный дворянин, одаренный, боевой маг, увы — пустоцвет. Да, я действительно верю, что такому как вы стоит попытать счастья на Аляске. Кадьяк, Ситка, Новоархангельск… Перспективные, говорят, места! Русско-Американская Компания платит щедро, да и князья Хилковы охотно принимают одаренных в свою дружину.

Мог ли он врать и преследовать свои цели? Мог. Например — у него план по вербовке горит, надо закрывать. Вот он и сулит золотые горы. Но мне-то какая разница?

— Станислав Темнорецкий, арнель Болотных Ялин, — встал и отрекомендовался я, хотя в этом не было никакой необходимости: он и так все про меня знал. — Вы ведь наверняка видели мое дело? Merna herenna — мое добровольное изгнание из клана — и гибель людей, из-за которой мы с вами сейчас находимся в здании уездного суда, — звенья одной цепи. Мой дар — порченый. Не думаю, что…

— Дар есть дар, — покачал головой опричник. — Доро-

го бы я отдал, чтобы пройти вторую инициацию и стать полноценным магом, как вы. Это — большая честь и большая редкость… И уж поверьте, Государство Российское магами не разбрасывается. Самый ценный ресурс и самое мощное оружие — вот кто вы такой, ваша светлость. Да и ситуация с этим вашим якобы преступлением — не такая однозначная. Сыскной приказ уже прислал отчет от экспертов: действительно, жизни Егора и Игната Дуботовков прервали вы, но, вместе с тем, вы же провели полное исцеление Ирины и Светланы — девочек восьми и четырнадцати лет, дочерей Игната Дуботовка. Вы перекачали жизнь от умирающих взрослых умирающим детям?

Последний вопрос он задал напрямую, глядя мне прямо в глаза. А я понятия не имел, что ему ответить. Я тут вообще меньше суток нахожусь. Мог ли это сделать Мордуин? Черт… То есть — Мелькор его знает! Поступил бы я так на его месте, если бы мог и если бы другого варианта спасти детей не было? Определенно, да.

Поэтому я ответил:

— Кажется, при отсутствии иного выбора, любой на моем месте сделал бы так же.

— Понимаю, что вы не станете говорить конкретно, но учтите — о вашем поступке узнают в каждом опричном полку Государства Российского! Это добавит вам и друзей, и врагов, ваша светлость, — несколько напыщенно заявил он. — Что я могу для вас сделать прямо сейчас?

— О, Бога… Эм-м-м… Эру Илуватара ради, верните мне мои вещи. Это — возможно? Могу я хотя бы переодеться? — я обвел руками свой весьма потрепанный наряд, состоящий из льняных штанов и майки. — Умыться, расчесаться, побриться… Вам не кажется, что в таком виде я не тяну на «светлость»?

Он моргнул, как будто впервые меня увидев:

— Действительно, я и внимания не обратил… Немедленно распоряжусь!

Внимания он не обратил! Это было по меньшей мере странно… С другой стороны — если мне и вправду вернут одежду и позволят привести себя в порядок — значит, словам Выготского можно доверять.

Куда он там советовал проситься? Аляска? Почему бы и нет, в конце концов!

***

Я стоял перед зеркалом и смотрел на свое отражение. Черты вроде как были и знакомыми, я походил на хорошо знакомого мне с детства Стаха Темнорецкого — отдаленно. Настолько, насколько эльф может вообще походить на человека. Симметрия, аристократизм, отсутствие следов вдумчивой травматической рихтовки моей морды, которой я подвергался несколько раз за жизнь, — это определенно был не я. Никакой бороды — вот трагедия! Зато — пышная грива блондинистых волос и косичка на правом виске, как у падавана из «Звездных войн».

Нос — более аккуратный, породистый. Разлет бровей — ироничный, изящный, без благоприобретенных за бурную жизнь шрамов… Уши — острые. Не карикатурные, как в аниме, размера обычного, только мочки и кончики отличаются от человеческих. А вот глаза остались моими — темно-карими, почти черными. Из них смотрел я, настоящий. И это радовало.

— На-а-атуральный блондин, на всю страну такой один... — спел я неожиданно музыкально.

Вообще-то я всегда был шатеном, темно-русым. И длинные волосы никогда не носил, стригся коротко. Но признать стоило — с внешностью мне тут повезло. И с телосложением — тоже. Никакого намечающегося пуза, как в прошлой жизни, — худощавая, крепкая фигура с довольно рельефными мышцами, явно привыкшими к долгим и утомительным физическим нагрузкам. Нет, я и там себя не запускал, и живот мой катастрофически никогда не выглядел — нормальное крепкое небольшое пузо матерого мужика! В пропорцию с шириной плеч и всем прочим. В конце концов — сучкорубы слабаками не бывают, как и вальщики леса!

Но тут прямо, да-а-а, прямо — красавчик.

Я ухмыльнулся, и улыбочка в зеркале проявилась моя — кривая и злорадная, за которую я пару раз крепко по роже получал.

— Будем жить! — сказал я. — Ну и что, что эльф? Главное — я это я. И я — мужик!

Переродиться в эльфийку? Это было бы не очень охеренно… А в эльфийскую принцессу и вовсе — весьма прискорбно. Я вздрогнул: если у нашего брата-мужика в этом плане ассоциации вполне однозначные, то что насчет женского пола? В принципе, я видал дамские романы с эльфами на обложках… Это что же — они теперь на меня вешаться будут? Как тут вообще в плане шуры-муры дело обстоит? Оказаться в гареме какой-нибудь такой Жоржины Дуботовк мне не улыбалось. Хоть она женщина и симпатичная, но я сильный и независимый, и в качестве одалиски или содержанки жизнь коротать не собираюсь!

По крайней мере, стану независимым, как только штаны надену.

Вещи-то мне вернули! Штаны были что надо — из какой-то натуральной ткани, что-то вроде джинсов, светло-коричневого цвета, но помягче, с крепким широким ремнем — не кожаным, тоже, кажется, какого-то растительного происхождения. Носки — вполне современные. Кстати — от хорошо известного мне Брестского чулочного комбината. Это было очень забавно — он и здесь работал! Обувь — высокие ботинки на шнуровке, чуть ниже колена, явно сшитые по мерке, с мягкой подошвой.

А еще — льняная сорочка свободного кроя и коричневая жилетка, прочная и надежная, похожая на байкерскую. Почти доспех!

Я закатал рукава сорочки, перезаплел волосы — в две

косы — и тут же завязал их на затылке, чтобы в глаза не лезло. Это получилось само собой, без раздумий, как будто я сотни раз так делал. Зашнуровался, глянул еще раз в зеркало… Нормально! Не знаю, как должны выглядеть эльфийские принцы в здешних реалиях, но видок мой Индиана Джонс и Хан Соло определенно бы одобрили.

Я вышел из уборной чувствуя себя прекрасно. Даже насвистывал что-то.

Выготский уже ждал меня в коридоре и одобрительно кивнул, оценив мой внешний вид. Мы пошли по коридору, и, если бы не браслет негатора на моей руке, можно было бы подумать, что штабс-капитан готовит меня к сдаче экзамена или чему-то подобному. Его голос звучал весьма участливо.

— Помните, ваша светлость, — как только вам дадут слово, требуйте выполнения пункта семь указа Его Величества Государя Всероссийского Иоанна Иоанновича №929 "О замене уголовного преследования для дворян и лиц к ним приравненных на поселение и службу в отдельных регионах Государства Российского", — сказал Выготский. — В тройке — местный уездный судья, Бышик его фамилия, думаю, он ест с руки у Жоржины Дуботовк. От Сыскного приказа — целовальник Петр Стоцкий. Третий — Алесь Волк-Ланевский — от опричников. Он не любит эльфов, вообще — нелюдей. Старайтесь не вступать с ним в полемику.

Не знаю, зачем он меня всей этой информацией накачивал и какой ему интерес был помогать мне, но когда я очутил-

ся перед скромной деревянной дверью с массивной медной ручкой, то твердо решил: пусть будет Аляска! Это слово меня почему-то будоражило, от него появлялся приятный зуд внутри, который я обычно ощущал перед очень охеренным приключением!

В конце концов, в прошлой жизни я там побывать не сумел. А здесь, среди привычного Мордуина окружения, даже если тройка меня оправдает, я очень быстро спалюсь — ну не умею я себя вести по-эльфийски!

Рядом с дверью стояли два опричника в этих своих бронескафах черного цвета и хмуро на меня смотрели. Выготский спросил:

— Можно?

— Господин штабс-капитан, там с гномом каким-то разбираются… Сейчас выведут.

Я втянул воздух носом — и почуял запах камня и ржавчины. Надфиль! Тройка решала вопрос с моим знакомым Гансом Надельфайелем! И не ошибся — дверь отворилась и показался мой давешний сокамерник. Он выглядел помятым, на руках и ногах гнома позвякивали кандалы, но на лице застыло довольное выражение.

— О! — сказал он, увидев меня. — Прынц! Прынц, просись на Аляску, вместе поедем! И Кузя — тоже!

— Марш-марш! — ткнул его в спину конвойный.

Не то чтобы я мечтал о такой компании на дороге приключений, но эти двое, по крайней мере, были мне уже знакомы.

И, несмотря на то, что гоблин пытался меня сожрать, а гном храпел как паровоз, они показались мне в целом ребятами не очень вредными. По крайней мере — не вреднее меня. Так что еще две гирьки на чашу весов с названием “Аляска” упали.

— Темнорецкий! Входите! —

— С богом, — хлопнул меня по спине Выготский.

Нет, все-таки интересно — чего он за меня так переживал?

Я шагнул внутрь кабинета и увидел большой стол, по центру которого сидел толстый мужик в черной мантии и дебильной судейской шапочке. По правую руку от него расположился лысый некто в сером стильном костюме, по левую — усатый взрослый дядька в такой же форме, как и у штабс-капитана Выготского.

— Арнель Белых Ялин Стах Темнорецкий, я полагаю? Здрасьте, — сказал судья.

— Забор покрасьте, — ответил я.

Нет, я понимаю, что выдал фигню. Но чего он? Вроде — судья, приличный человек! А — “здрасьте!” Не очень охеренно, вообще-то!

— Что-о-о?! — глаза судьи округилились, лысый пиджачник дернул головой, а опричник — тот аж крякнул от удивления.

— Sáborë! Cára i sa! — тут же выкрутился я.

Мы выкрутились. Мы с Мордуином. Типа я не грубил, а

выразился по-эльфийски.

— Стойкость? Разожги костер? — удивился опричник, который, похоже, неплохо владел ламбе. — Что это значит?

— Как говорил товарищ Будда: «Стань сам себе светильник!»— я сделал небрежный жест рукой. — Самый близкий аналог этого фразеологизма в человеческой культуре.

— Что вы голову-то нам морочите?! — стукнул по столу ладонью судья Бышик. — Какой еще Будда? Какой забор? Причем тут костер вообще? По существу предъявленных вам обвинений сказать что-то можете?

— Требую выполнения пункта семь указа Его Величества Государя Всероссийского Иоанна Иоанновича №929 “О замене уголовного преследования для дворян и лиц к ним приравненных на поселение и службу в отдельных регионах Государства Российского”, — заявил я.

— Вот как! — Пиджачный представитель Сыскного приказа посмотрел на меня внимательно. — Это что же — вы признаете свою вину? Так получается?

— Нет, получается, что я нахожусь в добровольном изгнании. И считаю правильным воспользоваться предоставленной мне Его Величеством возможностью удалиться от родных лесов на как можно большее расстояние, дабы исполнить взятый на себя обет, — сообщил я.

Тройка переглянулась. Опричник — Волк-Ланевский — покачал головой:

— Не нравится мне все это… И держитесь вы странно. Я

много общался с вашими соплеменниками — вы не похожи на них…

— Наверняка вы имеете в виду городских эльфов, коллега, — заметил лысый целовальник Стоцкий. — Уж поверьте мне, настоящие, я не побоюсь этого слова, ортодоксальные, лесные галадрим, скорее, сродни своим сибирским кузенам. Это — крепкие орешки, уж поверьте. Мне доводилось воевать рядом с Бригадой Эльфийских Стрелков на Балканах, я видел, на что они способны. Вы ведь были добровольцем, да, ваша светлость?

У меня закружилась голова, и я как будто сквозь пелену увидел где-то на краю сознания странную фантасмагорическую картину: пугающие фигуры, шествующие по небесам, знамена с Белой Дланью на опушке леса, безумно красивая смуглая девушка с растрепанными черными волосами и острыми ушками, которая напропалую целуется с каким-то серокожим громилой. И винтовка в моих руках, ствол которой раскалился от частого огня.

— Полесская сотня, господин Стоцкий, — откликнулся я. — Балканская кампания под началом арнеля Брегалада Ронья.

И заткнулся, пытаясь осознать все сказанное и привидившееся.

— Что ж… Применение магии в земщине — налицо, и преступление это тяжкое. Но вы ведь спасли детей, верно? — проговорил сыскарь.

— И угробил двух аристократов, — буркнул судья.

— Экспертиза показала, что они и так бы отдали Богу душу, Иван Степаныч, — закатил глаза Стоцкий. — Там были раны, несовместимые с жизнью. Слушайте, он же эльф, в конце концов. Лесной галадрим! Если мы упечем его в тюрьму или в шахты — Темнорецкий там загнется. Какая от этого будет польза Государству Российскому?

— В Поронайск его, — сказал Волк-Ланевский. — Тюленям хвосты крутить.

— Хотите в Поронайск? На Сахалин? — поинтересовался сыскарь. — Там в последние годы относительно нормально.

Он как будто играл тут первую скрипку. И как будто был на моей стороне.

— Хочу в лес, — сказал я. — Сахалин — остров, море — не моя стихия. Я — лесной житель…

— …из дикого леса дикая тварь, — буркнул судья Бышик. — У нас партия на Аляску формируется, вот и рассуждать нечего. Простой выбор: или уголовка за применение магии в земщине, или — Аляска, поселение на пять лет, с обязательным общественно-полезным трудоустройством! И статус ссыльного, это само собой.

— С возможностью досрочного прекращения поражения в правах... — подсказал Стоцкий.

— Он же нелюдь, — фыркнул Волк-Ланевский. — Много чести!

— Он — ветеран Балканской войны. И арнель. Принц! —

парировал сыскарь.

— Принц вшивого хутора! — расхохотался опричник.

Судья меж тем подписал бумаги, поставил большую печать и дал на подпись членам тройки. Как только Волк-Ланевский поставил свою закорючку и я уверился, что дороги назад нет, моя натура не выдержала.

— Господин офицер, — сказал я глядя прямо в глаза опричнику. — У вас на носу кусочек дерьма!

Он ухватил себя за нос, покраснел, потом побледнел, вскочил и…

— Дорога на Аляску будет для тебя адом, нелюдь, — проговорил он сквозь зубы. — Это я тебе устрою.

4. АД НА КОЛЕСАХ

Понятия про ад у нас с Волк-Ланевским были, похоже, разные. По крайней мере, вагон-теплушка с зарешеченными окошечками, нарами вдоль стен, все той же парашей в углу и парой десятков товарищей по несчастью на преисподнюю никак не тянул.

Ну да, учитывая тот факт, что я имел все шансы ехать в чем-то вроде купешки (ибо — аристократ, хоть и ссыльный), такие условия могли бы меня огорчить.

Но — во-первых, меня покормили — навалили целую миску картошки с овощами и дали чуть ли не полкирпича черного хлеба — и только после этого отвели в вагон. Во-вторых, мне приходилось ночевать под дождем на лавочке в парке в Белостоке, в палатке с шестью пьяными албанцами в Черногории, на крыше у старой каминной трубы — в Питере… Ну и в «обезьяннике», да. По сравнению со всем этим теплушка, да еще и летом, да еще и с кормежкой — это слабо напоминало ад.

И ссыльных в вагоне разместили даже меньше, чем имелось нар. Так что — жить можно! Другой вопрос, что соседи у меня попались не самые гостеприимные.

— Ты будешь моей сучкой-на, — сказал зеленый сутулый урод с кривой рожей. — Будешь-ска подтирать мне задницу и приносить тапочки-врот. Эльфиечка!

И поманил меня пальцем:

— Цып-цып-цып!

Это был орк, самый натуральный. Он сидел на нарах слева о входа в вагон, и вокруг него столпились зеленокожие прихлебатели — снага. В сортах орков я вроде как разобрался: как оказалось, в здешних реалиях под орками подразумевали несколько совсем разных народов, которые напоминали друг друга только отдельными внешними признаками.

Например, Кузя из КПЗ — гоблин. Тот серокожий громила, который мне привиделся после вопроса о Бригаде Эльфийских Добровольцев, — черный урук. А эта зеленая шваль — снага. Ростом не уступают среднему человеку, крепкие, мосластые, агрессивные быдланы. Наверное, и среди них встречаются приличные люди, но конкретно эти выглядели не очень охеренно.

Может быть, имелись еще какие-то другие, неизвестные мне орки — всяко могло быть.

Справа от входа расположилась команда гномов, и, кстати, Надфиль там чувствовал себя как рыба в воде. Пятеро татуированных коренастых бородачей уже резались в нарды и говорили на резком, каркающем наречии, которое очень напоминало то ли немецкий, то ли датский язык с Земли. А может, и вовсе — идиш, Мелькор разберет: я ни того, ни другого, ни третьего языка не знаю. «Гитлер капут!» могу сказать.

— Да кам зо айн эльбишер вальдблондкётер! — сказал

один из гномов и потом гавкнул в мою сторону: — Ваф-ваф!

— Йа-йа! Аха-ха-ха-ха! — подхватили остальные гномы.

Самоназвание гномов — кхазады. Это я вычислил, почитывая прессу в зале суда. Там оно как синоним употреблялось: гномы, кхазады. Очевидно, им я тоже не нравился.

Еще тут имелись люди-человеки. Четверо взрослых мужиков самого лихого вида, похожие то ли на контрабандистов, то ли на браконьеров. Не прям какие-то уркаганы, так — бывалые и накосячившие.

Свободными тут оказались нары только сразу напротив двери — это место, похоже, элитным не считалось, но мне было наплевать. Именно туда я должен был определить свою миску, кружку, ложку и другое немудрящее имущество, которое помещалось в самый обычный вещмешок-сидор.

— Suilad, ovredh! — я взмахнул рукой. — Приветствую уважаемое общество. Я — Стах Темнорецкий.

— Ты — эльфийская сучка-на, — сказал центровой орк.

Дверь вагона за моей спиной захлопнулась, и я услышал гогот конвоиров.

Видимо, заперев одного эльфийского принца вместе с толпой снага и группировкой гномов, Волк-Ланевский и рассчитывал устроить мне ад. Я не знаю, снимали ли здесь кино про «Хранителей» и знали ли такого персонажа как Роршах — не психиатра, а вроде как супергероя, но мне в голову сильно въелась одна из его фразочек.

— Это не меня заперли с вами, — доверительно сообщил

я главному орку-снаге. — Это вас заперли со мной.

— А? — он открыл рот, и я увидел кривые гнилые зубы, и те самые, пресловутые орочьи клыки на нижней челюсти — не такие и большие, как в «Варкрафте» рисовали.

— Хер на! — жизнерадостно откликнулся я и мощным броском запустил в него кружкой.

Я и раньше здорово швырялся всем подряд, но теперь, кажется, превзошел самого себя! Металлическая посудина со свистом пересекла вагон и вошла орку ровно в пасть. Вот это — номер! Вот это — исполнил!

— Хра-а-а? Аф-ф-фы-а? — его глаза выпучились, пасть была широко раскрыта — закрыть ее мешала кружка.

И достать ее изо рта снага не мог — у кружки имелась ручка, которая явно мешала, упираясь в нёбо орку. Главарь, который не так давно обещал заставить меня подтирать ему задницу, теперь замер в совершенно беспомощном состоянии, с трудом втягивая воздух сморщенным носом и тщетно пытаясь освободить свой рот.

— Остроухое говно! — один из соплеменников нейтрализованного зеленокожего рванул в мою сторону.

У него были крепкие руки с давно нестриженными грязными ногтями, похожими на когти. Крепкий, жилистый — орк наверняка свалил бы меня с ног, если бы я позволил ему войти в клинч.

— Н-н-на! — в его сторону, раскрутившись и гудя со страшной силой полетела жестяная миска.

Удар кромки пришелся в кадык, и снага рухнул на пол, хрипя и схватившись за горло.

Я уже был тут как тут — поднял посудину с пола и смотрел на остальных орков. Они выглядели деморализованными — и это было странно. Восемь крепких ребят злодейского вида теперь смотрели на меня не как на жертву, а… Испуганно?

— Ваще-то, это не абы какой эльф, — сообщил Кузя из-под лавки. — Ваще-то, это целый арнель Болотных Ялин, очень свирепствованный и несъедобновый. У него железные пальцы идиота! Он попал сюда за двойное убийство, прикончил ажно одного мага-аристократа и еще одного мага-аристократа. Всего, получается, двоих магов-аристократов! Выпил из них всю жизнь через трубочку, как сок из коробочки, и все потратил на девок!

— Жесть-на! — переглянулись снага. Кто-то из них засомневался: — А чего он тут? Если прынц?

— За буйство, — с важным видом пояснил гоблин и вылез из-под нар. — Он дерьмо на нос Волк-Ланевскому положил, ваще-то. Так и сказал, мол, кусок дерьма на носу. Ваще буйный! Глядите — у него антрекот… Артишок? Арте… Кароче-е-е браслет на руке, чтоб ваще не магичил! А если б магичил — он бы и из вас через трубочку жизнь выпил как нефиг делать. Скажите еще спасибо, что только швыряется! Он ваще дикий, из дикого леса, ходит где вздумается и гуляет сам по себе!

Последняя его фразочка показалась мне очень подозри-

тельной, но мало ли — Киплинг и здесь жил-поживал? Кто знает? Или снова — наследие того самого таинственного пана-атамана.

— А че он сюда захотел-ять? Ваще ненормальный? — орки попятились, заметив мое приближение. — Мог бы, наверное, в купешке-на чай пить, из стаканов с подстаканниками-врот! Вот там бы ими и кидался-ска…

Я подошел к главарю снага, ухватился пальцами за краешек своей кружки — и выдернул ее из пасти орка. Как минимум один зуб при этом вылетел, и щеку я ему тоже раскровянил.

— Помоешь — вернешь, — мне было очень страшно, на самом деле.

Десять стремных типов — а я один! Кинься они все вместе — и конец мне. Что угодно со мной сделают! Но если уж корчишь из себя крутого перца — слабину давать никак нельзя. Поэтому я добавил:

— Кружки свои все дайте мне! Быстро, быстро!

И подбросил миску в воздух, заставив снага вздрогнуть.

— Всё, всё-на! Мы-врот ничего не имеем-на… Вот-ска кружки-на… — орки выглядели жалко.

Зачем посуда? Так мне нужны были метательные снаряды, в случае чего. Кроме снага, тут имелись еще и гномы, которые прекратили игру и с видимым удовольствием наблюдали за моими разборками с зеленокожими.

Надфиль, который сидел в компании своих соотечествен-

ников, показал мне большой палец. Он явно одобрял такое мое поведение — гномы орков не любили, похоже, сильнее чем эльфов.

— Имела жаба гадюку! — сказал один из кхазадов, а остальные заржали.

Им, видимо, в кайф было смотреть, как эльф устраивает разборки с орками.

— Я еду на Аляску, — сообщил я всем. — И очень хочу доехать тихо, мирно, без инцидентов. Но как-то не выходит. Я тут единственный эльф, и если вы хотите замочить меня толпой — у вас получится… Поэтому заявляю официально: больше миндальничать я не буду. Первый, кто проявит ко мне неуважение или поднимет на меня руку — жестоко пострадает. Gurth Huan an hû! А там — хоть трава не расти.

— Собаке — собачья смерть, — перевел один из людей мой месседж с ламбе. — Резкий ты, дядя эльф.

— Жить захочешь — не так раскорячишься! — усмехнулся я.

В «человеческом» углу раздался хохоток, мужики одобрительно загудели и пошли ко мне — знакомиться. Как оказалось, все они были родом с Петриковщины и на самом деле присели за браконьерство. Добывали в реке Птичь и окрестных лесах рыбу, дичь и другие лесные богатства незаконными способами, захаживали и в Хтонь в районе Ляскович — самым краешком. Добывали там ценные ингредиенты — какие-то мутировавшие ягодки, грибочки и тому подобное.

— Но там баба живет дикая… На обезьяну похожая. Очень до мужиков большая охотница! Никакие ингредиенты того не стоят, Стах! Точно тебе говорю, истинная правда! — сообщил мне Иваныч.

Они вообще друг друга звали только по отчествам: Иваныч, Саныч, Димыч, Васильич. Всем им было лет эдак сорок пять — пятьдесят, лица — обветренные, руки — мозолистые, внешность — самая что ни на есть белорусская.

— Какая баба? — удивился я.

— Известно какая — хтоническая! — со знанием дела сообщили дядьки.

Но мы не так чтобы очень подружились. У них была своя компания: мужики знали друг друга чуть ли не со школьной скамьи, проживали в одной деревне, и замели их тоже вместе. Что им какой-то ушастый «прынц»? Но Димыч пообещал: если гномы или орки ко мне полезут — они предупредят. Ну и попросил поддержки, если вдруг начнется какой-то беспредел в вагоне. До этого люди были в меньшинстве, а теперь, с приходом такого резкого меня и заключения между нами договора о ненападении, сложился некоторый паритет.

Спустя несколько минут я оказался предоставлен сам себе, и это меня полностью устраивало — информации для размышления более чем хватало!

***

Вагон мерно стучал колесами, я пялился в окно на хорошо знакомый мне по прошлой жизни прекрасный город Го-

мель — железнодорожный, промышленный, зеленый, с богатой историей и красивым настоящим. Здесь он выглядел несколько иначе, но знакомые моменты все-таки встречались: огромные желто-зеленые горы отходов Химзавода, золотые маковки церквей Никольского монастыря, плодовые сады у Мильчи…

Интересно было бы остановиться здесь и увидеть твердянский вариант моего любимого города собственными глазами! Но посмотреть мне удалось только на станцию Гомель-Нечетный, точнее — на отгороженный от посторонних глаз закуток. Сюда нам доставили обед: грузовой электрокар с кунгом и надписью «Земская милиция» поперек борта расположился неподалеку.

Гавкали собаки, на перроне стояли хмурые ребята в балаклавах и с автоматами, так что никто особенно не выеживался, все сидели на своих местах внутри вагона и подходили к дверям по одному, чтобы получить свою порцию.

— Кто у вас тут эльф? — спросил хмурый милиционер, заглядывая внутрь теплушки. — Отдельная пайка. Давай сюда миску, у тебя без мяса.

— Это почему? — удивился я, и осознал, что за все те без малого двое суток, что я тут нахожусь, мне никто мяса и не предложил.

— По кочану! — грубовато ответил служивый. — О тебе тут заботу вообще-то проявляют, а ты еще нос воротишь. Мне вообще пофиг. Могу и тебе котлету положить.

— Кладите, — я подумал, что лишние калории не помешают.

— Как знаешь… — он странно на меня покосился, и вдобавок к гречке и капусте в мою миску прилетела еще и котлета. — Творог положенный тебе выдавать? Или котлеты хватит?

— Конечно, не хватит! И творог давайте.

— А чай куда вам наливать? В ладошки? — удивился милиционер и посмотрел на стройный ряд орочьих кружек около моей кровати.

— Да-ять, га-а-спадин начальник, нам можно в ладошки! — закивали снага. — Нам-ска так удобнее-на! Быстрее остывает!

— Дикари какие-то… — закатил глаза страж порядка. — Вас не в ссылку надо отправлять, а обратно в детский садик, на перевоспитание!

Я забрал свою пайку, прошел к нарам и уселся.

Есть определенно хотелось. Запах творога — магазинного, в бумажной мокрой упаковке — мне нравился. Вызывал слюноотделение. Гречка, в принципе, тоже пахла и смотрелась неплохо. Тушеная капуста — так себе, но терпимо. Хлеб — снова черный, кирпичный — вообще никаких вопросов. Когда я сидел пятнадцать суток, знающие люди рекомендовали не есть черных хлеб, мол, — будет изжога, но от местного хлеба у местного эльфийского тела никаких неудобств не возникало.

А вот котлета вызывала вопросы. Я смотрел на нее, и к горлу подкатывал неприятный ком. Запах жареного фарша вызывал отторжение. Примерно так в прошлой жизни я смотрел на осьминогов в тарелке китайского супа, который мне предложили в ресторанчике «Юми» в Питере, — у них же присоски! Фу.

— Глупости какие! — сказал я, нарубал котлету на куски ложкой и — раз-раз-раз — запихал в рот, прожевал и проглотил.

А через секунду уже побежал к параше — меня вывернуло чуть ли не наизнанку, до желчи. Снаружи заорали:

— На стоянке пользоваться запрещено!!!

Но я ничего не мог с собой поделать.

— Эк его полощет! — поцокали языками мужики.

Деморализованные орки зашевелились в своем углу: они увидели мою слабину, но я зыркнул на них злобно, и снага подуспокоились.

— Дэн э́льбишен хунд зольс дох ра́йссен! А-ха-ха-ха-ха! — веселились вовсю гномы.

Надфиль не смеялся, но и сородичей своих никак не останавливал. Но я и не ждал от него такого благородства: Ганс мне ничем не был обязан.

Когда меня малость отпустило, я вернулся к своим нарам. Еда была на месте, и вода — тоже. Я решил, что обязательно съем все это, но несколько позже. Уселся на нары и стал попивать водичку, думая о насущном: мне определенно нужно

было больше информации о том, кем я сейчас являюсь.

Эльф — это ладно. Но с эльфами тут все не совсем однозначно. Остроухие красавчики и красавицы, любители природы, вроде как — долгожители… Это относилось ко всем известным эльфийским народам.

Но! Имелись, например, эльдары — и это название в прессе часто использовали как синоним некоему «Авалону». Судя по идиоматическим выражениям «эльдарка гадит», «чопорные островитяне» и «империя, над которой никогда не заходит солнце» — здесь шла речь о чем-то вроде нашей Британии.

В России, где-то в районе Байкала, проживали сибирские эльфы — лаэгрим. Как я понял — свирепый народ, резкий, замкнутый и агрессивный. Они часто мелькали в контексте конфликтов с окрестными аристократами, а еще — когда материал в журнале или газете касался тех самых «эльфийских добровольцев». Это у местных был какой-то фетиш или типа того. Даже улицы и скверы в честь них называли! Наверное, реально крутые вояки?

Хотя в Бригаде Эльфийских Стрелков и я… То есть — Мордуин служил. Значит, и галадрим кусаться умели. Но о наших в основном шла речь, когда писали о всяких оленеводческих хозяйствах, программах по оздоровлению леса, а еще — о всяких творческих проектах. Среди нашего брата — городских галадрим — было много художников, музыкантов, архитекторов, артистов и всякой другой интеллигентной

публики.

Имелись еще и уманьяр — эльфы американские, но о них я ничего конкретного не прочел. Жили себе в своих Америках и жили.

И вот, после сражения с котлетой, которое было мною позорно проиграно, у меня возник вопрос: это лично я — Стах Темнорецкий (в скобочках — Мордуин) — имею в анамнезе непереносимость мяса? Или это котлета такая хреновая? Или это конкретный вид мяса я есть не могу? Или все галадрим мяса не едят? А может, все эльфы — веганы?

— Кузя, — сказал я. — Кузя, иди сюда, вопрос есть.

— Котлету дашь доесть? — тут же спросил он. — Ваще-то, у тебя три куска осталось.

— Ешь, — сказал я. — Мне не пошло.

Гоблин тут же оказался рядом.

— Из тебя вышло, — кивнул он, шмыгнул носом и сделал движение рукой в сторону моей тарелки.

— Убью, — сказал я. — Только попробуй пальцами мне в еду залезть — сотру в порошок, ей-богу!

— Ты точно как пан-атаман… — Он даже уши опустил. — Все у тебя с выжопыванием, ничего ты по-простому не могёшь!

— Та-а-ак, я к тебе по другому вопросу, но, видимо, придется спросить: что за пан-атаман?

— Дык! Пан-атаман Бабай Сархан Хтонический! — выдал он.

— О, курва! — рассмеялся я. — Грициан Таврический, что ли?

— О! — поднял палец гоблин. — Он тоже так говорил. Это что — какой-то знаменитый хер?

— Довольно знаменитый, — кивнул я. — Похоже, ваш атаман — из наших, да?

Я имел в виду попаданцев, конечно.

— Из черных уруков он, а не из ваших, — фыркнул Кузя. — А ты — мадригал!

— Кто-о-о?

— Галоперидол! То есть… Гамадрил! Нет… Да! Гамадрил? — Кузя так сильно задумался, что от натуги сначала икнул, а потом — громко перднул. — Эльф ты, короче, лесной, европейского типа! Вот! Тебе мясо — низя! Так что давай котлетину!

Я ложкой достал оставшиеся в живых куски котлеты и переложил их в гоблинскую ладошку. Тот набил ими рот и заявил:

— Вы эти… Вальерьянцы! — как с котлетой во рту ему такое выговорить удалось — ума не приложу.

— Да ты задолбешь, гоблин! — возмутился я. — Это же невозможно слушать! Прав Надфиль — гидосный ты какой-то! Мне кажется — ты специально все это несешь, издеваешься надо мной!

— Нет! Я с открытой душой, ваще-то! Реально — мадригалы не едят мясо. Зато едят молоко там, рыбу, насекомых

даже могут, и яйцы! Яйцы едят точно!

— Иди отсюда, Эру Илуватара заради, или я тебя изуродую! — простонал я. — Просто — вали куда-нибудь, ладно?

— Винегретцы! — просиял он. — Вы — винегретцы, потому что винегрет едите! А оливье — не едите, там колбаса!

И тут же отбежал в орочий угол. Там ему было комфортнее.

А я подумал, что из него, в принципе, можно потихоньку выуживать информацию. А еще — стоит подать весточку их пану-атаману, потому как он точно — попаданец, и, хоть и орк, может быть — адекватный человек и может как-то помочь если не обустроиться, то хотя бы врубиться в местную жизнь. Какой-нибудь краткий курс выживания для попаданца набросать или типа того…

Хотя, конечно, надеяться на такое изо всех сил я не собирался. Люди, они, как известно, говно на блюде. И, кажется, это утверждение справедливо для каждого из миров.

Которых внезапно оказалось больше, чем один.

5. ПОРЧЕНЫЙ ДАР

Мы стояли где-то в Липецкой области: поезд замер на каком-то разъезде, чтобы пропустить встречный супер-дупер важный состав.

По крыше вагона барабанил дождь, крупные его капли залетали в окно. Сквозь железнодорожные запахи железа, смазки и чего-то еще — технического, до меня донеслись ароматы хвойного леса. Уж не знаю, каким чудом и откуда ветер подхватил и принес сюда это великолепие, но у меня защемило на сердце.

Я вдруг понял, насколько соскучился по этому восхитительному чувству — просто идти по сосновому весеннему лесу, слушать его шорохи и потрескивания, дышать полной грудью… Ей-богу… Ну или — ей-Эру, что совершенно одно и то же, у меня на глаза слезы навернулись, и я тут же спрятал лицо в ладони — потому что эльф там или не эльф, я — мужик! Настоящий мужик плачет, только если режет лук!

Наверное, остроухие были чуть более сентиментальны, чем большинство людей. Может, у них — то есть у нас — такое не стыдно? Но мне было неловко: расплакаться от хвойного запаха, это вообще — что?

Все более-менее устаканилось за сутки пути, и в вагоне нашем общество стало вести себя довольно прилично. Может быть, гномы и сцепились бы со снага, но у орков теперь

проблем хватало — они часами матерились в своем углу, выясняли на своем странном жаргоне с этими бесконечными -ска, -на, -ять и -врот вместо постфиксов: является ли теперь бывший главарь Копыто шнырем или — нет. Один раз дело дошло до рукоприкладства и Копыто сцепился со Слимаком — тем орком, который получил от меня миской в кадык. Они били друг друга смертным боем и катались по всему вагону, а потом прикатились слишком близко к моим нарам, и я запустил в дерущихся ботинком. Он попал Слимаку прямо по жопе, и бой тут же прекратился, и ботинок мне принесли.

Теперь к вопросу о «шныревости» Копыта добавился вопрос о зашкваре или не зашкваре Слимака, так что дел у них хватало.

Мы не были заключенными в полном смысле этого слова, просто до Урала вроде как соблюдался особый режим контроля, чтоб ссыльные не сбежали. А потом — должно было быть попроще. Куда там сбежишь, когда кругом либо тайга, либо Хтонь, либо и то и другое сразу? Так или иначе, у нас имелись даже кое-какие бонусы: например, как раз на Липецке, притарабанили электрический самовар на стойке, которую прикрутили к стене. Теперь можно было гонять чаи! А еще принесли пачку газет — и я их приватизировал, по крайней мере на время прочтения, потому что на какие цели их хотели использовать остальные — об этом можно было легко догадаться.

Помимо самых общих сведений, я выяснил, что Государ-

ством Российским тут правит династия Грозных, основателем которой считается великий маг-менталист (ни больше ни меньше!) Иван IV Васильевич Грозный, который победил в Ливонской войне, захватил Великое княжество Литовское, Русское и Жемойтское, оторвал его от Польши и присоединил к России, посадив там на престол своего сына Ивана. Иван ничуть не был убит своим отцом, а напротив — стал великим государем, заложив основы современной административной системы, причудливо смешав в ней наследие Речи Посполитой и Русского Царства. Зачем нужны были такие сложности со всякими сервитутами — тут я пока пребывал в замешательстве, однако, наверное, резоны имелись веские.

Иоанн Пятый, помимо всего прочего, живосилом ввел латиницу вместо кириллицы. Кириллица осталась в церкви, ну и как дань традиции иногда на ней дублировались названия и вывески. Почему? Потому что хотел привязать поплотнее западные земли, а еще — мечтал наш Иоанн Иоаннович построить Третью Империю Людей, то есть — единую Европу под властью человеческой расы.

Первой Империей Людей тут называли Рим, второй — Византию, ну а Россия, соответственно, — Третья. А Четвертой не быть. И шаги он предпринимал весьма конкретные: например, женился на арагонской принцессе… Арагон тут, кстати, был вместо Испании и считался одной из супердержав, с кучей колоний по всему свету. И тоже претендовал на звание Третьей Империи Людей. Но — не проканало. Та-

кое в истории сплошь и рядом…

Вот, например, тут едва Русь-матушка зимой не загнулась… Тогда нынешний Иоанн Иоаннович, с другим порядковым номером, приболел и чуть ли не год был в коме. Но — вуаля! — случилось чудо: его внук Михаил Федорович исцелил. Михаил Федорович — судя по фотке, симпатичный такой, хулиганистый парниша — был любимцем прессы. И девчонка его — Эльвира Кантемирова (кое-где почему-то упоминалась как Ермолова) — просто обаяшка. А еще оба — великие маги. Он — телекинетик и менталист, она — трансформатор и трансмутатор. Вундеркинды или типа того. Они пару раз спасли мир, кстати. Ну, может, не мир, а Россию, но тем не менее!

Кроме этого самого внука и еще целой кучи внуков, у царя, как водится, имелось три сына.

Старшего звали Дмитрий, и он был настоящий полковник. Военщина, милитаризм, тяжелая артиллерия, боевая магия и все такое. И морда — преестественная. Как у бульдозера.

Средний — Василий — напоминал мне ухаря-купца: холеный, довольный — на фотках он сиял как масленый блин. Занимался экономическими и финансовыми вопросами в основном.

Федор — младший — сразу показался социопатом, маньяком и психом, но потом я увидел его фотку с женой и мнение свое поменял. Очень охеренная женщина! И сын у

него — что надо. Приятный парень, правильный — насколько можно сделать вывод из прессы. Бывает, что у маньяков хорошие отношения с женой, но чтоб воспитать правильного ребенка — про такое я не слышал…

Каждый из государевой семьи — Грозных — был сильным менталистом, то есть — умел ковыряться в головах людей и нелюдей, наводить мороки, влиять на поведение, мысли и решения. Страшная сила! И это не считая остальных Рюриковичей, к которым относились все кузены царских кровей разной степени родства.

И при этом, после зимней замятни, когда все подумали, что царь умер, в стране едва не началась гражданская война между тремя партиями сторонников каждого из царевичей. И под эту марочку многие и многие стали решать свои вопросы — локальная резня, передел собственности и бардак закончились едва-едва к марту. Сами царевичи никогда розни не демонстрировали, напротив — всячески призывали к единству. И теперь все снова работали на благо государства! Вот это — фантастика!

Ну, по крайней мере, так декларировалось… Так-то самых буйных бунтарей и подстрекателей натурально запытали до смерти: колесование, дыба, четвертование — и притом публично! Такое тут практиковалось, хотя и в порядке исключения. Остальных — на каторгу или в ссылку: человеческий ресурс тут ценили, особенно — «пустоцветов»-недомагов и настоящих волшебников. Зачем казнить, если мож-

но употребить на благо Государя и Отечества?

Я отложил газету и на секунду замер. Дождь прекратился, и вроде как развиднелось. Вечер стоял по-майски светлый, а нам еще и лампочку вкрутили в патрон на потолке: читай — не хочу!

Прислушавшись, я хмыкнул: там, за пределами вагона, слышался чей-то громкий и рассерженный голос, и еще один — лебезящий.

— Молча-а-ать! Кто такой этот ваш Волк-Ланевский? Вы в своем уме? Вы — начальник охраны, целый майор, а у вас одаренный вместе со снага на нарах едет! Что вы скажете проверяющим из Надзорной жандармской экспедиции, если этот ваш Темнорецкий жалобу напишет? — кто-то явно считал себя вправе командовать, и, очевидно, речь шла обо мне. — Вы в ОСИН служите или в богадельне?

Шаги приближались: твердые подошвы хрупали по гравию и хрупанье это слышалось все отчетливей. Шли двое — впереди, и за ними еще несколько. Наверное — начальство с охраной.

— Но у меня предписание — расположить со склонными к нарушению дисциплины и таковым образом доставить… — попытался оправдаться второй.

ОСИН — Опричная Служба Исполнения Наказаний, — судя по названию, относилась к опричнине, но по факту бардак там царил страшный. Между вышколенным и интеллигентным штабс-капитаном Выготским и «вертухаями» лежа-

ла настоящая пропасть, по крайней мере — мне так казалось.

— А-а-атставить, вы у меня сами поедете в теплушке, а мага жизни я в ваш СВ посажу! Соображаете, что такое маг жизни? — Первый был более крутым начальником.

Двери вагона приоткрылись самую малость, и второй, тот который лебезил, проговорил:

— Темнорецкий, на выход!

— С вещами? — поинтересовался я.

— Пока — без. Нужно поговорить!

Я отложил газеты, надел ботинки, погрозил пальцем оркам, которые поглядывали на свои кружки. Их уже задолбало пить из ладошек.

— Пока не вернусь — не сметь забирать посуду!

— Не по-христиански это-на, — сказал Копыто. — Кружечки уже можно бы и вернуть-ска.

— А ты по-христиански хочешь жить? — удивился я. — Ла-а-адно, мне хоть вроде положено Митрандира в качестве пророка почитать, но к Иисусу я с большим уважением, так что вернусь — обсудим!

Подошел к двери, присел, свесил ноги и спрыгнул на насыпь.

Тут было хорошо: какие-то технические железнодорожные строения со всех сторон были окружены сосенками, железнодорожные пути — две ветки — тянулись в обе стороны сколько хватало глаз, вокруг лежала южнорусская холмистая лесостепь…

И облака еще разошлись у самого горизонта, давая возможность закатному солнышку согреть последними лучами все это великолепие… Эх, лепота!

Не Полесье, конечно, но настроение у меня поднялось сразу почти до максимальной верхней планки.

— Так что там? — спросил я у двух начальников.

Один из них был из охраны — в мундире ОСИН, с офицерскими погонами, худоватый и нервный. И второй — железнодорожник, по всей видимости очень большая шишка. У маленьких шишек золотых часов, запонок и цепей не бывает. Форма на нем тоже была — железнодорожная. Гражданский мундир? Наверное, это так можно назвать. Осанистый, с окладистой бородой и густыми бровями, этот дядька сразу производил солидное впечатление.

— Ваша светлость? — важный железнодорожник обозначил поклон. — Моя фамилия Мясоедов. Дьяк Дормидонт Дормидонтович Мясоедов, инспектор по Южной железной дороге от Ямского приказа. Я лично приношу вам свои извинения за доставленные неудобства, мы немедля подыщем подходящее вашему статусу место и условия…

— Меня устраивают условия, — я поковырял ногой гравий. — Нормальные условия.

— Не может быть и речи, мы сейчас же определим вас в вагон-купе…

— Но у нас нет… — запротестовал «осиновый».

— Молчите, Шиховец! Вы и себя и меня под монастырь

подведете! — шикнул Мясоедов. — Ваша светлость, как мы можем сгладить сложившуюся ситуацию? Положим, прямо сейчас действительно могут возникнуть некоторые сложности с переселением, но с Воронежа подцепят дополнительный подвижной состав, и тогда…

— Нормально, — кивнул я. — Коллектив у нас сложился в вагоне неплохой, можно сказать — позитивный, мы нашли общий язык… Время терпит.

Осиновый майор Шиховец смотрел на меня крайней недоверчиво. Он не верил, что эльф может найти общий языкс орками-снага. Да и с гномами — тоже.

— А мне вот докладывают — у вас кружки на полу стоят, а часть ссыльных из ладошек пьет… — протянул он.

— Воспитательный момент! — сообщил я. — Прививаем высокий уровень культуры быта и базовые основы понимания принципов интернационального общежития!

— Ишь! — дернул головой Мясоедов. — И все же, мы бы хотели предложить вам какую-то компенсацию, пусть и символическую…

Строить из себя недотрогу я не стал. Да и зачем, когда можно поиметь некоторый профит?

— Побольше газет и журналов, и, если можно, что-нибудь про политику современную, внешнюю и внутреннюю, — высказал пожелание я. — Я, знаете, после того как с Балкан вернулся, немного отстранился, все больше в родовом лесу проживал, новости не отслеживал и…

— Ах да-да-да-да, у нас в стране большие перемены! — закивал целый дьяк Ямского приказа, и золотая цепь под его рубашкой стала позвякивать. — Шиховец — организуешь! Что-нибудь еще?

— Снять бы бяку эту, — я продемонстрировал браслет. — И до сосенок прогуляться. Хвоей пахнет хорошо!

Мясоедов почесал бороду, Шиховец замотал головой, явно протестуя, — ему подобные вольности претили и были явно поперек горла. Железнодорожный дьяк спросил, глядя мне прямо в глаза:

— Поклянетесь, что не сбежите? И не станете использовать магию против… Э-э-э-э…

— Против тех, кто не попытается навредить мне, — кивнул я. — Это могу. И бежать я не собираюсь, я, наоборот, благодарен Ямскому приказу, железной дороге и лично Государю за то, что мне предоставлена шикарная возможность добраться да Аляски за казенный счет!

— Вот как! — обрадовался Мясоедов. — Это что же — вы и сами в колонисты хотели податься?

— Я в добровольном изгнании, мне нельзя сейчас находиться в родовых угодьях, — сообщил я. — Напротив — я взял обет уйти как можно дальше. Так почему не Аляска? Тем более, говорят, там красиво. Много лесов, дикие просторы…

— Я думаю, если вы поклянетесь, то это вполне возможно — снять браслет, — серьезно кивнул Мясоедов. — Вы иде-

те навстречу нам и не даете этому недоразумению ход, мы на Воронеже переселяем вас в нормальный вагон, а пока что — предоставляем прессу, книги, возможность прямо сейчас обнять березки… Или там — погулять среди сосенок. И снимаем негатор. Шиховец, на чьем балансе негатор числится?

— Так это… Ни на чьем… Его вроде как при посадке в поезд снять должны были, и…

— Личное имущество. Мое! — ухмыльнулся я. — Украшение. Предмет гардероба.

— А…

— В багаже полежит, — я сделал небрежный жест рукой. — Просто снимите — и сохраните до поры до времени. Вернете, когда режим помягче станет.

Я представлял себе, сколько стоит такая штука, как негатор. Это же настоящий артефакт, техника на грани фантастики. Наверняка — кучу денег за него отвалят, но я и продавать его не собираюсь. Заблокировать кому-нибудь магические способности? Очень охеренно! Круто и дорого!

Мясоедов тяжко вздохнул, но спорить не стал. Похоже, с одаренными аристократами носились тут как дурень с писаной торбой. Однако — периодически колесовали и отправляли в ссылки, не без этого,

— Поклянитесь, — сказал дьяк.

— Lammen Eru Ilúvataro: ú-rim nin, a ú-natha nin i ú-natha nin, — проговорил я. — Клянусь Единым Всеотцом, Эру Илуватаром, что не убегу от вас и не повредю того, кто не

повредит мне.

В воздухе как будто струна лопнула — что-то случилось! Клятва была принята!

— Уф… Шиховец — снимайте браслет.

Начальник охраны поезда — а это был именно он — нехотя достал из кармана что-то вроде чипа от домофона, провел им над моим запястьем, и браслет расстегнулся.

В голове зашумело, перед глазами поплыли цветные пятна, но почему-то я знал — это нормально.

— Я прослежу, чтобы артефакт оказался в вашем багаже, — сказал Шиховец. — Дормидонт Дормидонтович, я напишу рапорт своему руководству, в котором сообщу, что был против такого решения!

— И будете идиотом. Знаете, какой план по одаренным для Аляски? Не знаете… А знаете, на какой процент он выполнен? Тоже нет… Ситуация такова, что мы за каждого мага должны бороться, за каждого! А его светлость еще и лично желание изъявляет, понимать надо! Пойдемте, арнель, я проведу вас к сосенкам.

Вот! Наконец-то я понял причину такого к себе отношения со стороны Мясоедова. У них план горел. Им нужны были маги на Аляске, даже с «порченым даром», что бы это ни значило. Именно поэтому я, пытаясь справиться с внезапно возникшим головокружением, шел к сосновой роще, а не продолжал откисать на нарах.

Это стоило еще осознать: я увидел эфир. И ману! Прану

— как говорят индусы. Саирину — так выражаются мои остроухие сородичи.

Она клубилась вокруг нас, струилась потоками в воздухе, иногда — стелилась туманом. Я попытался ухватить ее — но она утекла сквозь пальцы. Тогда я перевел взгляд на Мясоедова, который двигался впереди, и увидел вокруг его тела ровное, сильное свечение — ореол, самую настоящую ауру. Насыщенного зеленого цвета, с темными пятнами — проекциями внутренних хворей. Печень, позвоночник, левая нога… В общем-то он неплохо сохранился.

А еще я совершенно точно знал — вот эта самая жизненная энергия, которая проявлялась для меня в аурах и ореолах — это не то же самое, что мана. Нечто близкое, но вместе с тем — в нюансах радикально отличное. Как, например, радиоволны и вай-фай. Аналогия — не очень охеренная, но другой не подвезли, увы.

Мерцающие зеленые ореолы я видел повсюду: вместо насекомых мне мерещились светлячки, трава и кустарники вдоль насыпи еле видно мерцали тусклым салатовым оттенком… Яркий изумрудный комок пролетел в небесах — какая-то ночная птица торопилась по своим птичьим делам.

— Жрать! Жрать! Как же жрать хочется! — прокричал кто-то сверху скрипучим мерзким голосом.

Я вздрогнул: что за шутники? Может, на квадрокоптер колонку повесили?

— Что такое, ваша светлость? — обернулся Мясоедов. —

В чем причина задержки? Может быть, вернемся в вагон?

— Нет-нет… Все нормально.

От сосновой рощи исходило ровное, крепкое свечение — и мне очень хотелось оказаться внутри него, хотя бы несколько секунд постоять там!

Мне подумалось: а могу я выключить это магическое, эфирное зрение? Стоило попробовать! Я крепко зажмурился, представил себе мир без потоков маны в воздухе и под землей, без ауры над каждым живым объектом — и открыл глаза. Вуаля! Интуитивно понятный интерфейс, однако. Смена режима зрения произошла успешно! И я знал — если моргну снова, вот так, сконцентрировавшись — опять же смогу видеть невидимое.

Но что насчет слуховых галлюцинаций? И тогда — в КПЗ, когда кто-то с улицы орал про дерево, и сейчас… Никакого там квадрокоптера не было, мне, скорее всего, почудилось. С другой стороны — всякое бывает. Особенно в мире, где электрокары соседствуют с магией, а гномы — с дисковыми телефонами.

— Пришли. Я подожду вас здесь… И помните — вы поклялись! Такие клятвы даром не проходят! — торжественным тоном сказал инспектор Ямского приказа.

— Мне хватит и пяти минут… — почему-то я был в этом уверен.

Подойдя к ближайшей сосне, я взялся за нее, ощутил шероховатость коры, липкую смолу на стволе, зажмурился, от-

крыл глаза — и увидел потоки жизненной энергии, которой была пронизана вся роща. Она текла от корней деревьев к ветвям и обратно, струилась в верхнем плодородном слое почвы, тонкие нити ее тянулись и дальше, за пределы живого островка….

Вместе с тем — внутри себя я чувствовал зияющую пустоту. Меня не зря тянуло сюда: лишенный родной стихии, без общения с живой природой я загибался — и чувствовал это интуитивно, хотя на физическом уровне всё вроде как ощущалось нормально. Но — мой резерв как мага жизни, природника — был пуст.

— Ranno nin! — проговорил я. — Поделись со мной!

И зачерпнул.

Мир качнулся вокруг меня, скрипнули деревья, земля как будто задрожала…

— Ваша светлость, встречный поезд! Пропускаем, и состав двигается дальше! — крикнул Мясоедов.

— Иду, иду… — я побежал к Дормидонту Домидонтовичу, чувствуя, что сделал что-то неправильно.

Чиновник шел не оборачиваясь. Я догнал его быстро, бежать было легко. Вообще — легкость и живость поселились внутри меня, казалось — я могу свернуть горы, и реки мне по колено, и весь мир принадлежит мне… Я преисполнился — вот лучшее слово!

Шиховец, который терся у дверей моего вагона, как-то подозрительно смотрел мне за спину.

— Вернулись… Ну ладно. Полезайте в вагон, Темнорецкий! До Воронежа вы едете здесь…

Перед тем как запрыгнуть в теплушку, я глянул на сосновую рощу.

— Курва! — только и смог сказать я.

Выглядела она очень не охеренно. Сухие, мертвые деревья тянули корявые, черные ветви к небесам. Желтая, как будто отравленная пестицидами трава, присыпанная ковром из рыжей опавшей хвои больше не светилась в эфире. Роща представляла собой кусок безжизненной пустыни. Ауры? Ореолы? Потоки энергии?

Я сожрал их все. Выпил рощу, как сок через трубочку. И чувствовал себя прекрасно!

— Порченый дар… — прошептал я, забираясь в вагон. — Вот ты какой, северный олень…

6. ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЕ ДОГОВОРЕННОСТИ

— Я вот щас понял, с какого перепуга ты — светлость! — заявил Кузя, едва я уселся на нары. — Ваще какой страшный!

— Чего это я — страшный? — удивился я. — Это ты — страшный!

Эльфы — они прекрасны по определению. Потому что эльф в здешней академической науке — это homo sapiens pulcheris, то есть — человек прекрасный. Обычный человек так и называется — homo sapiens vulgaris. Гномы — homo sapiens habilis, то есть — человек умелый, получается. А конкретно гоблин Кузя — homo sapiens terribilis, сиречь — человек ужасный, как и все орки, но подвида koboldoris.

— Я страшно хорош собой! — подбоченился homo sapiens terribilis koboldoris. — А у тя — глаза зеленью полыхают. Аж в вагоне светло. Гля, мужики, у него глаза как светофоры!

Мужики обратили на меня внимание, и их лица вытянулись:

— Светлость, слушай, ну это… Ну поняли мы, что ты маг! — сказал Димыч. — Птица высокого полета, и все такое… Но глаза можешь подпритушить?

Я прикрыл глаза и привалился спиной и затылком к стене

вагона. Это было неудобно — поезд летел как сумасшедший, наверстывал упущенное. Вагон дребезжал, и мой затылок — вместе с ним.

— Я немножко не понимаю, чего могу, а чего — не могу. Под негатором несколько дней провел, сразу после второй инициации… — осознал я буквально только что: пришел некий инсайт или типа того.

Как маг первой ступени — он же «пустоцвет» — я-Мордуин проявился во время Балканской войны. Как раз во время того сражения у Хладного моста, когда огромная армия упырей шагала по небу. Может быть, виной тому эманации высших вампиров — носферату, которые погибли там в товарном количестве, или — общее эмоциональное состояние, но, вытянув остатки жизни из недобитых упырей, я вылечил несколько десятков своих товарищей. А вторую ступень получил совсем недавно, спустя несколько лет после первой.

Полным магом я стал в момент добровольного изгнания, на границе Болотных Ялин, земщины и юридики Дуботовков. Я понимал, что причиной тому стали искалеченные девочки, но общую картину в памяти восстановить не мог. Кажется — там были и другие действующие лица, и, вроде как, я сотворил нечто, по сравнению с чем выпитая из сосновой рощи жизнь — это так, детский лепет.

Весьма возможно, где-то в лесном массиве у Гагалей сейчас зияет гигантская мертвая проплешина… И если я такое устроил в эльфийском заповедном лесу, пусть даже ДО вто-

рой инициации, в минимальных размерах, — то идея с добровольным изгнанием становится максимально понятной. Эльфы так не делают. Это — жесть по нашим меркам. Для людей аналогом такого злодейства является, наверное, магия крови и человеческие жертвоприношения, которые тут строжайше запрещены и караются мучительной смертью.

— Уснул, что ли? — спросил кто-то.

— Не уснул, — сказал я. — Глаза закрыл, чтоб не светило. Не очень разбираюсь, как сделать это по-другому. Похоже — негатор сняли и вот какие-то процессы пошли…

— Нас-то не угробишь?

— Не угробит! — заверил Кузя. — Слышали — он этим… Иллюминатором клялся! И вообще — он жизнюк, они лечат, а не калечат. И цветочки растят!

Я едва сдержался, чтобы не высказаться по этому поводу, но промолчал. Энергия жизни во мне клокотала и требовала выхода, похоже — я собрал ее больше, чем мог употребить и удерживать, и потому, наклонившись, я тронул ладонью шершавые доски вагонного пола и потихоньку попробовал чуть-чуть слить зеленое море внутри меня через пальцы и кисть, прогоняя поток жизни от сердца в руку и дальше — наружу.

Это было странное ощущение, ни на что не похожее, эдакий зуд в кончиках пальцев, напоминающий крохотные удары током, котрые идут изнутри… Объяснить это невозможно, наверное — есть какие-то специальные термины, но я —

неуч, куда мне!

— Ять! — удивился Кирпич. — Цвяточки!

В вагоне вдруг запахло очень приятно, чем-то сладким, свежим… Липовым медом! Я открыл глаза:

— Очень охеренно! — из половых досок проросли зеленые свежие побеги и уже расцвели!

Липа — не лучший материал для пола, но — имеем то, что имеем: в мае, посреди вагона, у нас имелось несколько цветущих ветвей.

— Хм! — сказал практичный Надфиль. — Мы можем попить чаю. С липовым цветом!

— Полезный у нас маг, — кивнул Саныч, вставая со своего места. — Давайте раскочегаривайте самовар… Хотя я сам раскочегарю, а вы соцветий нащипайте.

Спустя некоторое время мы уже пили чай. Я даже кружки снагам вернул ради такого дела. Тем более — опасаться мне их не стоило. Что они могли мне сделать? Я — маг с порченым даром, я могу сожрать их всех до единого. Весь вагон! Просто коснувшись и зачерпнув! Ну и ужас, а?

Нет, наверняка — у других магов, которые тут точно водились, против меня имелись методики. Наверняка — они меня уделают одним щелчком пальцев. Но над обычными, цивильными людьми, гномами, орками, наверное, даже — эльфами — власть моя была просто пугающей.

Внезапно я понял: именно поэтому в земских городах запрещено применять магию. И именно поэтому наруше-

ния караются весьма строго… Ссылка в моем случае — это очень, очень мягкое наказание.

В это время ко мне сквозь липовые заросли продирался Надфиль. Когда ему это удалось и он оказался рядом с нарами, гном сообщил:

— Наш старшой хочет говорить с тобой. Окажи уважение, светлость? Лангбольцен — деловой кхазад, у него хорошее предложение!

— Ну хочет — пусть говорит, — пожал плечами я. — До Воронежа ехать еще долго. Почему бы и не пообщаться?

Надфиль ушел к своим, они что-то там обсудили, бурно жестикулируя и покрикивая на шпракхе. Похоже, обсуждали — по чину или нет почтенному кхазаду к какому-то эльфийскому пижону лично идти. Но в итоге Лангбольцен — тот самый, главный гном, что ржал надо мной в самом начале, двинулся ко мне. Он был похож на отсидевшего Санта-Клауса, который весь тюремный срок всерьез фигачил в качалке. Слегка враскачку он приблизился ко мне и протянул руку:

— Клаус Лангбольцен, — степенно представился он.

Мне дорогого стоило не заржать: его звали Клаус! Но, наверное, для гномов это было обычное имя, они тут вообще все вроде как под немцев или там — датчан с голландцами косили. Руку я ему пожал и даже привстал:

— Меня вы уже знаете: Стах Темнорецкий.

— Мордуин? — уточнил он.

— Что в лоб, что по лбу, — пожал плечами я. — Я не

из тех, кто заморачивается. Но Темнорецкий — как-то привычнее.

— Итак, твоя светлость, у меня есть деловое предложние. Я его и вчера выдвинуть хотел, но раз уж все вот так выкрутилось, и ты не просто эльф, а, скажем так, магише бегабт, то и предолжение меняется… В гораздо более выгодную для твоей светлости сторону! — он отпил чаю и одобрительно посмаковал его. — Липовый цвет — это то, что доктор прописал, йа-йа. От простуды хорошо!

— Слушаю предложение! — поторопил его я.

— Там, на Аляске, народ всяким занимается, но всякое нам, гномам, не очень интересно. Нам интересно золото. Тебе интересно золото?

— Мне весьма интересно золото, — признал я. — А кому оно не интересно? Золото — это очень охеренно.

— Вот! — обрадовался Клаус Лангбольцен. — И мы все тоже так думаем. Потому что золото — это надежно. Это не земля, которая может не уродить, не трактир, который могут сжечь. И не хтонические ингредиенты, за которые легко можно сдохнуть… Нет, за золото тоже можно сдохнуть, конечно. Но! Оно твердое, не портится, его можно пощупать, из него можно сделать множество красивых вещей, — и его принимает по твердой цене представительство Приказа Большой Казны в Новоархангельске! А мы — кхазады, мы знаем, как добыть из-под земли всё что угодно. Создадим артель, начнем работать. Шестеро нас, это хорошая команда!

— Отлично, — сказал я. — Вы точно разбогатеете.

— А потом нас ограбят, — мрачно заявил он. — Или убьют. Ссыльным не положен огнестрел, ферштейн? А теперь представь, например, тлинкитов в деревянных зачарованных доспехах, с копьями и палицами, которые на нас навалятся целой толпой. Или — тролля. Или — банду беглых каторжников из авалонских колоний, а может — племя диких уманьяр, которые белку бьют стрелой за сотню метров!

— Кроме огнестрела, есть варианты, — задумался я. — Топоры-то вам никто не запретит, верно?

Его лицо аж просветлело:

— О, да! Хороший топор — это то, что доктор прописал. Но есть вещи, от которых топор не поможет… Стрелы вот, или — чары, — гном дернул себя за бороду и пробормотал на шпракхе: — Их хассэ богэншюцэн унд их хассэ магир… Но к тебе это не относится, светлость, тебя мне ненавидеть не за что… Короче, нам нужна крыша.

— Поясни? — я уже понял, к чему он клонит, но соглашаться без конкретики не собирался.

— Нам нужен свой одаренный, — он щелкнул пальцами. — Свой маг!

— Тебя не смущает, что я — эльф? — поднял бровь я. — А как же Наугламир, предательство Трандуила и прочее? Вековая вражда?

— Я тебе, твоя светлость, одну умную вещь скажу, только ты не обижайся… — он пододвинулся поближе и прошептал:

— Им там насрать, ферштейн? Для них мы все — русские!

Эта мысль была действительно глубокой и требующей обдумывания.

Я сталкивался с таким явлением в прошлой жизни. Для какого-нибудь француза, или там — индонезийца, белорус, татарин и дагестанец — все мы были русскими. Это — факт! И я лично в Черногории стоял против толпы албанцев — потому, что внезапно оказался русским. И за меня были как раз таки татарин и два дагестанца, которые, на самом деле, — талаш и аварец, но кому какое дело, верно? Они все тоже вдруг оказались русскими, внезапно для самих себя.

— Что ты предлагаешь конкретно? — напрямую спросил я.

— Тридцать процентов чистой прибыли, место у костра и в палатке, общий стол и нашу поддержку. Наиболее благоприятный режим во всех кхазадских заведениях. Наших там не так чтобы много, в Ситке — это сервитут — проживает, наверное, три сотни гномов, но это кое-чего стоит! Мы отправимся добывать золото…

— В лес? — поинтересовался я. — Понимаешь, мне важно чтобы было много деревьев и мало народу.

— Лес, горы, реки и речушки… Я видел фотографии — горы там великолепные, и леса тоже отличные — кедры, ели, тсуги! Тебе понравится, и мне понравится! А столпотворение и нам ни к чему — чем больше народа, тем меньше золота останется, смекаешь?

— Резонно, — сказал я. — Будем считать, что предварительной договоренности мы достигли. Ты и твои сородичи — вы помогаете мне освоиться в Ситке, приобрести нормальное снаряжение, а потом мы сваливаем в лес. Вы добываете золото, а я стараюсь сделать так, чтобы с вами ничего не случилось. Могу еще готовить и за лагерем следить, корона у меня с головы не упадет… Тридцать процентов чистой прибыли — мои, расчет на пороге представительства Приказа Большой Казны в Новоархангельске, сразу после сдачи драгметаллов.

— Ты ж мяса не ешь! Зачем нам такая готовка? — удивился он.

Похоже, остальные вводные его вполне устраивали.

— Если я не ем мяса, это не значит, что я не умею его готовить, — успокоил его я. — Эльфы — лучшие кулинары, знаешь?

— Йа-йа, высокая кухня… — закивал он. — Главное, не корми нас спаржей и прочей фасолью слишком много. Мы будем пердеть. И чтобы ты не думал — меня действительно давит жаба. Мне жадно — отдавать тридцать процентов. Но мы не случайно оказались в одном вагоне, я так думаю… Бог, судьба или воля случая свели нас! Кажется, что когда мы доберемся до Ситки — то оба поклянемся работать вместе, и все у нашей артели получится. Шестеро нас и один маг — мы точно разбогатеем!

— Не планировал поговорить с остальными? — спросил

я. — Четыре человека — бывалые люди. Они знают лес, многое умеют, хорошие охотники и рыболовы, и, думаю, в драке не подкачают…

— Я уже размышлял об этом. Но пока не переговорил с тобой — не стал форсировать события, — закивал Клаус. И вдруг признался: — Сказать честно, с орочьими швайнехунде я бы тоже пообщался. Они, конечно, мрази, бездельники и вообще — вердаммте думме бастарде, но — очень неприхотливы в быту, весьма выносливы, терпимы к хтоническим эманациям. Носильщики, чернорабочие, землекопы — от снага будет польза, если правильно их употребить. Тебя-то от Хтони в букву зю скрутит, а орки-то запросто неделями там живут! Как считаешь, с ними можно иметь дело?

— Я бы заключил с орками магический договор, или что-то типа того, — стал соображать я. — Из меня маг пока что неопытный, но, может быть, за время пути мы придумаем что-то такое, подходящее. В конце концов, я задурю им голову. Выдам эффект вроде этих цветочков и скажу, что если обманут — у каждого из жопы целый куст вылезет! Тем более меня они побаиваются, должны поверить, да?

— Йа, йа! А-ха-ха-ха! Ты мне нравишься, светлость! Ты не такой, как другие нудные эльфы! — гном от удовольствия даже пристукнул себя кулаком по коленке. — Мы вернемся к этому разговору на той стороне Тихого океана, йа?

— Йа-йа, — сказал я. — Дас ист фантастиш!

— Ты говоришь на шпракхе? — удивился он.

— Нет, это так… Навеяло, — усмехнулся я.

— Ладно… Пойду наводить дипломатию. Ты, твоя светлость, кивни там, что в теме, когда я с людями и снагами говорить буду… А то завтра переселят тебя в купе, как я докажу, что мы договорились…

— …предварительно… — напомнил я.

— Пусть — предварительно, а все ж — авторитет! — резонно заметил Клаус Лангбольцен и ушел к своим, пару раз обернувшись и подмигнув мне.

Доверял ли я ему? О, нет. Хотел ли он надуть меня? Определенно, да. Наверняка я продешевил: маги тут были штучным товаром и вряд ли какие-то проходимцы-ссыльные могли позволить себе услуги одаренного.

Но! Одаренный из меня пока был как из говна — пуля, да и предложение мне в целом подходило. Я ведь не из тех попаданцев, которые мир спасают. Я из тех, что пристально смотрят по сторонам, стараясь не попасть в какое-нибудь дерьмо по незнанию.

В новом коллективе я тоже поначалу всегда присматривался, а потом уже начинал отмачивать свою обычную неудобную всем вокруг херню…

Поезд затрясло особенно сильно, я выглянул в окно — мы подъезжали к какому-то довольно крупному городу: виднелись многоэтажки и промзона. Приближалось время ужина, и, скорее всего, нам доставят его снова на перрон. Для меня занимательной задачей стало угадывать — чем на сей раз

заменят мясную часть приема пищи?

Творог, сыр, фасоль в консервной банке, сгущенка — это я видел!

На сей раз я делал ставку на рыбу — при мысли о рыбе, кстати, организм вроде как никаких признаков тошноты не выдавал. Рыбки бы я навернул…

Но вообще — очень хотелось поскорее заехать за Урал: там наш «особый режим» кончался, можно будет выходить на станциях, хотя бы — разминаться, гулять. И подъемные именно тогда выплатят — кое-что из снаряги присмотреть уже по пути казалось мне отличной идеей. А еще — мне вернут мой браслет-негатор. Носить его периодически — не такая уж плохая мысль, когда дар такой стремный.

Может быть, будь у Мордуина такой браслет, он бы и из Болотных Ялин не ушел бы… Хотя — кого я обманываю: единожды попробовав магию, будешь стремиться испытать это снова и снова. Затягивает!

Поезд дернулся и остановился — наш состав снова загнали куда-то к черту на кулички, и мы ждали около получаса, пока в дверь не постучали.

— Приготовьтесь к приему пищи! Темнорецкий — к вам фельдъегерь Орловых с письмом из Речицкого уезда Великого княжества Белорусского, Ливонского и Жемойтского! — гаркнул кто-то.

Проглотив странное географическое название и удивившись фамилии Орловых (им-то какого хрена от меня надо?),

я подошел к двери, которая тут же открылась.

— В собственные руки его светлости арнелю Станиславу Феаноровичу Темнорецкому из Болотных Ялин — от пани Светланы Дуботовк, дочери убиенного Игната Дуботовка! — провозгласил какой-то молодой человек в синем комбинезоне и пилотском шлеме.

На плече у него имелся шеврон с орлиными крыльями, на груди — какая-то аббревиатура. До меня дошло — «фельдъегерь Орловых» — это курьер премиум-класса, супер-дупер доставка! Орловым на меня было наплевать, мне пришло письмо от одной из девочек, которую я спас! Светлана — это, кажется, старшая, ей четырнадцать было, если я правильно помнил.

— Я — Стах Темнорецкий, — сказал я и протянул руку.

Фельдъегерь достал из внутреннего кармана конверт, запечатанный сургучной печатью, и протянул его мне. Едва я коснулся желтой бумаги, как письмо загорелось синим призрачным огнем, печать задымилась, запахла чем-то терпким — и просто испарилась.

— Адресату письмо вручено, на сим — откланяюсь, — щелкнул каблуками фельдъегерь, развернулся на пятках и ушел вдоль по перрону.

Охрана из ОСИНа ему вообще не мешала. Интересные у них порядочки…

Я засобирался было обратно в вагон, но меня окликнули:

— Темнорецкий! Пайку свою заберите! И на завтрак —

тоже, до самого Воронежа больше остановок не будет!

Мне реально дали рыбу — кильку в томате, консервированную. А на завтра — булку с маком. Ну, тоже ничего, в конце концов…

Я залез в вагон и поставил кильку к сгущенке и фасоли: ножей-то нам не выдавали, как я должен был консервы открывать? Быстро проглотив гречку с овощами, я взялся за письмо. Интересно же!

Сделав усилие, чтобы привыкнуть к круглому девичьему почерку, которым были выведены убористые латинские буковки, я прочел:

«Ваша светлость арнель Станислав Темнорецкий! Этим письмом я уведомляю, что после того, как вы злодейски убили моего отца и дядю, я прошла инициацию первого порядка в качестве мага огня, вследствие чего были уничтожены мои личные покои и шесть преданных нашей семье слуг. Сообщаю, что род и клан Дуботовков, все наши друзья и союзники являются вашими кровными врагами и никто из нас не успокоится, пока вы не будете умерщвлены, а прах ваш не будет развеян по ветру. Пока я жива — я буду искать вас, чтобы убить. Пока я не достигла совершеннолетия — этим займутся мои друзья, родственники и наемные специалисты. Бегите хоть на край света — вам не избежать кары, месть свершится.

Ваш враг навеки — госпожа Светлана Игнатовна Дуботовк, маг первого порядка, владетельница юридики Крапив-

ня, наследница юридики Гагали»

— Твою-то мать! — закатил глаза я. — Дурная девка!***

7. ЗНАКОМСТВО С ХТОНЬЮ

Ночью я спал плохо. Мне снились девочки-Дуботовки в окровавленной одежде, которые подкрадывались ко мне с мультитулами, чтобы расковырять мне всю морду. Это было не очень охеренно, ей-Эру: я пару раз вскакивал, слышал дикий храп своих попутчиков, осознавал себя в теплушке, которая везла меня через необъятные просторы Государства Российского по направлению к Воронежу, — и успокаивался.

Все нормально, еду этапом на Аляску в ссылку, ничего страшного.

Так-то дорогу до Воронежа в прошлой жизни поезд из Гомеля за сутки преодолевал, даже меньше, а тут со всеми остановками и задержками — вторую ночь в переоборудованном товарном вагоне куковали. Ни тебе душа, ни внятных занятий — только трёп с соседями и перечитанные газетки. В качестве бонусов — самовар, стук колес и многоголосый храп… Я ложился на нары снова, перевернув мокрую от холодного пота подушку, и усилием воли засыпал, чтобы спустя минуту опять провалиться в сюрреалистический кошмар.

И когда раздался дикий крик кого-то из соседей по вагону, я сразу даже чуть нахрен его не послал, мол — задолбал уже со своими дурацкими снами.

— Тревога! Прорыв! Ссыльным — не выходить из вагонов, оставаться на своих местах, пути перекрыты! — истерично верещал «осиновый» майор Шиховец. — Охране приготовиться к отражению нападения хтонических тварей!

Я вскочил как ошалелый и понял: с объявлением тревоги «осиновые» опоздали. В орочьем углу уже кого-то жрали, а сами снага отступили как раз в липовые заросли у моей кровати.

Почему-то слышалось хлопанье крыльев и какое-то ворчание, в темноте разобрать было сложно, но очевидным оказалось вот что: в крыше теперь имелась большая, не меньше метра в диаметре, дыра, в самом углу! Кто-то продырявил крышу вагона!

— Уберите ее-на! Уберите! — орал снага, которого жрали заживо.

Его товарищи нерешительно столпились в липовых паростках, гномы и люди вскакивали с нар, пытаясь понять, что происходит…

А я вдруг увидел на фоне ночного звездного неба лысую бабскую башку и чуть ниже — птичье туловище: крупное, с большого такого индюка размером! И вот это вот всё пыталось влезть в вагон!

— Лы-са-я де-воч-ка! — вскричал я, в такт дурацкому мотиву вскочил и зарядил монстру прямо по кумполу килькой в томате.

Эффект моя эскапада произвела оглушительный: дебелая

консервная банка страшно ударила тварину в висок, отчего та потеряла ориентацию и рухнула в вагон. Вторая тварь, которая грызла орку туловище, получив себе на хребет свою же подругу, восприняла это как опасность и нарушение личного пространства. Прекратила жрать потроха, заколотила крыльями, взлетела, врезалась в стену, и…

— Н-н-на! — сгущенка влетела ей в грудак, сшибая на пол.

Четыреста грамм — это не шутки. Удар получился мощный! Кажется, я слышал, как хрустнули ребра: у птичек кости легкие!

— Так это ж-ска бабы с перьями-на! — очнулся Копыто. — Мочи их, босота!

Стоит отдать должное храбрости снага — они кинулись в драку первыми. Принялись топтать странных существ ногами, ломать крылья, деловито хекая, лупить кулаками…

А я моргнул и глянул на происходящее через эфир, магическим зрением. И сразу понял: Слимаку, которого здорово пожрала монстриха, приходилось худо.

— Клаус! Смотрите за крышей! Придумайте что-нибудь! Слимак кончается, попробую подлечить! — я бросился в самую гущу орков, растолкал их бесцеремонно и ухватил раненого снага за окровавленную руку.

Я чувствовал, как через порванные вены и артерии вместе с кровью вытекает его жизнь. А еще — ощущал, сколько жизни вокруг меня. Эти зеленые варвары были очень,

очень живыми, в них энергия просто бурлила, ее было гораздо больше, чем в людях и гномах. А стремительно гибнущие монстры, которых так и хотелось назвать гарпиями, — они не фонили вовсе. Странные птицы не были живыми в привычном нам смысле слова, хотя их кости хрустели и кровь у них тоже оказалась красной.

Можно было зачерпнуть жизнь у нескольких снага — вон ее сколько, через край! Но — что, если я угроблю их, как ту сосновую рощу? Что тогда я буду делать? Что сделают со мной? Так что от идеи принудительного донорства я сразу отказался.

В конце концов — ну сколько заемной жизни я потратил на липовый цвет? Фигню какую-то наверняка… А потому — чего жалеть-то?

А еще в голове мелькнула поганая мыслишка: если уж ставить на ком-то эксперименты, то лучше на таком говнюке, как Слимак, чем, скажем, на красивой девушке или каком-нибудь адекватном человеке. Так что я сделал с орком то же самое, что и с досками вагонного пола, потому что больше ничего не умел: пустил по своей руке энергию, ощущая это самое покалывание внутри своих пальцев, чувствуя, как пустеет в груди.

— Ва-а-ах! — Слимак вскочил с пола, подпрыгнул едва ли не до потолка, пробежался туда-сюда по вагону, пуская слюни и вращая ошалевшими глазами. — Че сделал-на? Че ты сделал-ска? Эльф-на! Ты меня-на… Ты капец крутой

волшебник-на! Пацаны, Стах — реально колдунство делает-врот!

— Рот в рот искусственное дыхание делают, — поморщился я. — А я на тебе опыты ставил.

— А че, а я ниче! Я бодрячком-на! Фокус удался! — он исполнил какой-то боевой танец и глянул на меня с явным восхищением.

— Ахтунг! Заткнулись все! Слышите — шкребутся? — рявкнул Клаус. — Все — вооружитесь!

— Чем-на?

— Ломайте нары, думмкопфише бастарден, ножки вполне сойдут! — взмахнул рукой гном. — Доской тоже можно приложить, йа?

— Эх-ма, спать будем на полу… — посетовал Димыч, но в целом все понимали: лучше спать на полу, чем сдохнуть.

Послышался треск ломаемой мебели, и вскоре люди, орки и гномы вооружились дрекольем и штакетинами. Я отыскал свои консервы — грязные, мятые, они, тем не менее, сохранили целостность. На века сделано, надежно!

— Что это было? — спросил я. — Что за хрень происходит?

— Не хрень, а Хтонь! — пояснил Васильич. — Где-то тут что-то стремное случилось. Может, маги заигрались или куча людей единовременно погибла. Или где-то в других мирах что-то гэпнуло… Случился прорыв из тонкого мира в наш, ад и жупел поперли наружу… Вот в виде этих вот пташек

с лысыми бабскими бошками, например. Теперь либо местная аристократия и министерские маги все это дело быстро закроют, либо Аномалия появится…

— Ахтунг! — снова выкрикнул Клаус, и, когда следующая пара гарпий сунулась внутрь, их уже встретили как положено — дубьем!

Я даже не делал ничего — мужики без меня справлялись. Но штакетину, подходящую себе, подобрал — мало ли что! И тут же оперся на нее: на меня внезапно навалилась дурнота.

За пределами вагона слышалась стрельба, гремели взрывы, сквозь дыру в крыше периодически можно было рассмотреть странные сполохи и взблески. На меня временами накатывало: во рту я чувствовал вкус какой-то гари, чего-то вроде нагара со сковородок, дышать старался через раз — пахло чем-то странным, чуждым, мерзким… В голову мне как будто вату напихали — такое после коронавируса было: спутанное сознание, вязкое мышление. Эманации Хтони? Клаус говорил, что эльфы к ним особенно восприимчивы…

Где-то в небесах послышался стрекот и гул — и я знал, что это такое. Боевые вертолеты или их местные аналоги!

Летуны зависли практически над поездом, раздался грохот и завывание: работали НУРСами, этот звук я отличить точно мог. А потом эфир сошел с ума, потоки маны взбеленились в момент, выкрутились черт знает как, распрямились

и устремились все в одну точку: куда-то, кажется, километрах в трех от железной дороги.

Мне, даже сквозь стены вагона, слышались какие-то грохочущие голоса. Через эфир я видел смутные тени ростом до неба… Где-то там чародействовали какие-то сверхлюди! Я и представить боялся, какую чудовищную силу они задействовали, чуял только — тошнота постепенно отступает, дышать становится проще.

В какой-то момент на крышу к нам приземлилась целая стая гарпий, и они стали топтаться там, орать и срать через дырку внутрь вагона.

— Светлость! — повернулся ко мне Клаус, возмущенный таким поведением пернатых тварей. — Ну ты же маг, ну, сделай что-нибудь? Они ж или внутрь полезут, или нападут на тех, кто нам на помощь придет!

— А что мне сделать? Веточек нарастить? — растерялся я.

Будь они живыми — попробовал бы зачерпнуть у них жизни, а так… Хтонь — она и есть хтонь, непонятная бесполезная дрянь. Маг из меня — не очень охеренный!

— Продырявь им жопы! — раздался вдруг голос гоблина Кузи, который черт знает где ошивался все это время.

Похоже — трусливо прятался под нарами, а когда нары разломали — скрылся в районе параши! Ай-яй-яй! Но идею предложил дельную…

— Жопы, значит? Была одна такая казнь в Китае, но там

использовали бамбук… — призадумался я. — А у нас на крыше — жесть, а под жестью… Дуб! Ща-а-ас! А ну-ка, подсадите меня!

Надфиль и Клаус Лангбольцен подхватили меня за ноги, я потянулся — и дотронулся до потолка. И влил силы не жалеючи, выплеснул весь остаток, что сохранился от умерщвления сосновой рощи.

Я четко знал, что там происходит: свежие, крепкие дубки с неимоверной скоростью, силой и жизнелюбием дают в рост, и им очень охеренно пофиг, что стоит на пути этого самого движения вверх!

На крыше раздался дикий ор, испуганное кудахтанье и трепыхание. Захлопали крылья, кто-то пытался улететь, но, как сказал классик — сделать это смогли не только лишь все. Мало кто смог это сделать! Капающая внутрь вагона через дыру кровь стала очевидным свидетельством: я магией и в бою кое-что умею!

— Да-а-а-а! — радостно заорали попутчики. — Вломили стервам!

И вдруг все внезапно осознали: у нас образовался перерыв! Мы вроде как немножко победили, есть время выдохнуть и осмотреться!

— Кто-нить будет хтонятину? — поинтересовался Кузя. — Я ваще как хтонятину люблю, особенно птичью! Че там, самовар в порядке? А давайте в самоваре сварим суп-харчу?

— Харчу? — переспросил Надфиль. — Может — харчо?

— Харчо — это по-грузински, — деловито пояснил гоблин, хватая одну из гарпий за ноги и пытаясь приподнять ее над своей головой, чтобы оценить вес. — А харча — это другое.

— Фу, блин… — скривился Саныч. — Отвратительно!

— Че фу-на? Ниче не фу-на! — возмутились орки. — Если вам не по вкусу, так не ешьте-врот! А мы головы поотрываем и сварим-на! Это ж не человеков-ска есть-на! Не каннибализм-врот! Мы только птичью часть! Ща щипать будем, че?

— Так, соратнички, самовар я вам поганить не дам! — сделал жест рукой я. — Хотите — щипайте, что угодно делайте, в кружках кипятите — но самовар останется чистым, потому что чаю бы я сейчас выпил, ей-Эру. Ну или когда всё закончится.

— Светлость — душнила! — высунулся откуда-то с потолка Кузя. — И валерьянец! Сам мяса не ест и другим кулинарствовать запрещает! Обломатель!

Орки согласно загудели. Эх, недолог был мой триумф как мага, похоже, опять швыряться предметами придется, чтобы их в чувство привести… Никакого уважения, а?

— Мы тоже против, — подал голос Димыч. — Хтонь пихать в чистый самовар — не след!

— Не след-на?! — возмутился Копыто. — А за нашими спинам-ска отсиживаться — след? Че вы-врот сидели тамна, когда Слимака-ска жрали-ять?

— То-то вы лихо все кинулись своего защищать! — Васильич сжал кулаки. — Сами заднюю дали! В кустики спрятались!

— Ты че борзый такой-на? — обстановка в вагоне накалялась.

И резерв мой внутренний был почти пуст. Да и что я мог сделать? Опять же — веточек нарастить? Убить всех? Осталось только многозначительно подбросить в руках консервные банки.

— В самоваре мы варить ничего не будем, а вот какую-нибудь посудину у служивых попросить и на стоянке что-то сварганить — это ваше полное право. Я даже сам попрошу, если вы внутри вагона вонять не станете, — пообещал я. — Может, даже прямо сейчас, стоять-то очевидно будем долго.

— Ладно, мы пока ощиплем-врот! — вдруг пошел на попятную Копыто, и Слимак его поддержал.

И они тут же занялись теми гарпиями, что уже были в вагоне: открутили им головы, расстелили на полу одну из испачканных простыней и всем кагалом принялись за работу. Вот же странный народ! Одно слово — орки! Им нужна простая и понятная мотивация: страх, жрачка, очевидный образ славной победы — и они горы готовы свернуть. А еще им нужен вожак. Тот же Кирпич, похоже, вернул себе авторитет, и орочье общество снова стало более-менее адекватным…

Орки были заняты, люди — вернулись в свой угол, гномы обсуждали что-то прямо посреди вагона, не спеша скла-

дывать дубье. А я… Я огляделся кругом — и принялся за уборку. Обломки, щепки, говно, перья и пятна крови — мне такое не нравилось. Мне хотелось, чтобы вокруг было чисто, опрятно, аккуратно.

Похоже, у эльфов такое — в крови.

У нас имелся веник, имелась тряпка, вода в умывальнике, так что я начал генералить вагон со своих нар. Они были почти целыми — я во время боя оторвал только одну доску с верхнего яруса. Выровняв постель и прибравшись под и над кроватью, я постепенно стал увеличивать территорию порядка — концентрическими кругами.

— Химмельхерготт! — удивился Клаус. — Это что наша светлость делает?

— Это он уборку делает, — пояснил Надфиль. — Это его философия такая: говорит, парашу мыть не зашквар, жить в говне — зашквар! Мол, прынцу вполне по статусу чистоту наводить, а спать в засранном помещении — не по статусу!

— Вас фюр айн фернюнфтигер принц… — задумчиво проговорил Лангбольцен. — А мы тоже кое-чего починить можем, правильно? Орднунг есть орднунг! Инструментов нет, но и так, в принципе, ту же дыру заделать досками — это в наших силах… Йа?

Кхазады, на удивление, такую идею поддержали и взялись кумекать, как без гвоздей и крепежей имеющимися средствами перекрыть доступ тварям в вагон через дыру в крыше. И спустя минут пять яростного обсуждения принялись

за дело. Дядьки-браконьеры, видя такую активность, решили поучаствовать в уборке: перестилали кровати, выгребали обломки, даже одолжили у меня веник — смести мусор… А орки — они гарпий щипали в своем углу и матом ругались. Тоже вроде как не бездельничали.

Так что, когда за стенами вагона раздалось лязгание траков и громкий голос отдал приказ какому-то подразделению рассыпаться цепью, а досмотровым группам — проверить подвижной, наш вагон в целом был в порядке.

Дверь с грохотом открылась, к нам заглянул незнакомый сержант в оливковой военной форме — чумазый и голубоглазый парень в бронежилете, с автоматом в руках.

— Хренассе, лишенцы устроились! — проговорил он. — Порядочек у них!

— Ты, служивый, говори да не заговаривайся! — погрозил пальцем Клаус Лангбольцен. — Тут у нас лишенцев нет, тут — честные ссыльные колонисты, которые едут осваивать далекие рубежи нашей необъятной родины!

— Ваще-то мы одержали славную победу и собираемся пожирать ее плоды! — сообщил Кузя и потряс наполовину ощипанной гарпией над головой.

Снага одобрительно закивали.

— Дела-а-а! — почесал затылок сержант, рассматривая кровавые пятна на стенах вагона изнутри и снаружи. — Господин поручик, тут все в порядке! Даже очень! Они, похоже, тварей сами перебили. И без потерь!

Приблизился молодой офицер — небритый и уставший, осмотрел вагон, остановил взгляд на мне…

— Что у вас произошло, сударь?.. — он явно не знал, как ко мне обращаться.

— Нападение тварей. Справились собственными силами, — пожал плечами я. — Навели порядок в вагоне, готовы продолжать движение. Потерь нет, раненого я подлечил, на ноги поставил… Что вообще случилось? Откуда взялись эти монстры?

— Похвально, что справились… Я вижу — без потерь? — его взгляд остановился на липовых паростках посреди вагона. — Вы — маг?

— Арнель Болотных Ялин, Станислав Феанорович Темнорецкий, маг жизни, да… — кивнул я.

— Ваша светлость, но вам разве по статусу… — поручик с сомнением осмотрел вагон и его обитателей. — Почему вы — здесь, в таких условиях?

— Мы неплохо справились, верно? — я подошел к двери и выглянул наружу.

Наш состав сильно пострадал: многие теплушки были повреждены, пассажирские вагоны зияли выбитыми окнами, тут и там солдаты выносили и складывали на насыпь безжизненные тела. Похоже, много ссыльных не доедет до Аляски…

Я увидел начальника «осиновых» — Шиховца, который разговаривал с какими-то армейскими офицерами, стоя ря-

дом с электровозом. Вид Шиховец имел лихой и придурковатый — он все время размахивал пистолетом, заставляя офицеров морщиться. Наконец один из них мягко, но настойчиво оружие у «осинового» забрал, разрядил и сунул в кобуру майора. А потом продолжил разговор как ни в чем не бывало.

Наверное, крутой мужик!

— Так что случилось? Почему на нас напали? — повторил свой вопрос я.

— Прорыв хтони. Две семьи местных аристократов кое-что не поделили, — расплывчато пояснил поручик. — Одни — «Димины», другие — «Васины», сами понимаете… Никак не успокоятся! Площадное заклинание вышло из-под контроля, пострадало много людей — получился прорыв. Благо, есть и среди дворян адекватные — собрались, закрыли, а там и мы подтянулись, тварей покрошили… Какие-то замечания, предложения будут?

Он вздохнул, явно мечтая, чтобы никаких пожеланий и предложений не было. А я подумал, что «Димины» и «Васины» — это наверняка партии царевичей Дмитрия и Василия. Но спросил совсем про другое:

— С крыши бы трупики поснимать! А то завоняют… И вот еще: казан бы для наших орков организовать, а? Они какой-то традиционный суп сварить хотят, если можно — вне вагона чтобы? Тащат в рот что попало, ей-Эру, совсем как дети! И вонища, опять же. Поспособствуйте с посудой, по-

ручик?

— Непробиваемые! — покачал головой поручик. — У меня два десятка снага служат — с одной стороны, цены нет таким солдатам: выносливые, исполнительные, агрессивные! С другой — то в казарме насрут, то сапоги сожрут, то всю воду из бачков выпьют… Если толковых сержантов на них нет — всё, кранты подразделению. А если есть — нормально, получше иных людей пополнение. Ладно, узнаю, что у нас там по котлам… Часа четыре еще стоять точно будете тут, а потом — в Воронеж, состав переформируют. Вы за орками своими проследите?

— Вот этого обещать не могу…

— Приставлю к вам трех автоматчиков, — кивнул поручик, развернулся и пошел вдоль состава по насыпи, хрупая ботинками по гравию.– Ефрейтор Кердыбаев! Возьми двоих — и вон к тому вагону! Выйти наружу ссыльным можно, убегать — нельзя, усек? Если кто-то попробует удалиться от состава дальше чем на десять метров, — что ж, у вас будет трудная мишень. Разрешаю стрелять на поражение.

— Так точно, господин поручик! — откликнулся смуглый и скуластый Кердыбаев.

Сурово тут у них всё, однако! Но мне десяти метров было вполне достаточно. Я спрыгнул вниз, сделал шаг в сторону от насыпи, присел на корточки, коснулся зеленой травы и почувствовал, как потекли ко мне тоненькие струйки жизненной силы. И одновременно с этим — густой растител-

ный ковер, которым поросла насыпь, стал сохнуть и желтеть прямо на глазах! Более того — жирный воронежский чернозем посерел, превратился в мертвую пыль, непригодную для растений, червячков и жучков, которые, похоже, тоже массово сдохли, чтобы один не очень охеренный маг-попаданец почувствовал себя лучше.

Хорошо, что ночь еще не отступила окончательно и, кроме меня, никто не видел, как разрастается во все стороны мертвая проплешина. Отдернув руку, я запрыгнул обратно в вагон, сел в дверях и свесил ноги.

Я — не маг. Я — ходячая экологическая катастрофа, получается.

8. ВОРОНЕЖ

Поток воздуха лупил прямо в открытую дверь вагона, я ловил ветер грудью, смотрел на великанский, огромный, ошеломительный, бурный Дон и орал неожиданно приятным баритоническим тенором:

— Грянули ча-а-а-ада тихого До-о-она,

Мир изумился, враг задрожал!

Песня была откуда-то из детства, ее крутил еще на кассетном магнитофоне наш сосед — дядя Коля, церковный староста. Будучи чистокровным белорусом, он здорово повернулся на казацкой теме, учился фланкировке, швырял топоры и пытался на базе школы создать что-то вроде скаутского отряда с казацким уклоном.

Казацкая тема мне не очень зашла, а вот ходить в походы и топоры метать я прям полюбил. И песни у него крутились годные, и пел он их здорово. С душой. Особенно после того, как пост кончится и дядя Коля как следует разговеется… Тогда у него душа сначала разворачивалась, а потом сворачивалась — дней пять или семь.

— Где ни посмотришь — пики мелькают,

Граду подобно, стрелы шумят… — ей-Эру, я наслаждался своим голосом!

Баритонический тенор, почти как у Муслима Магомаева, — это ж просто счастье какое-то. Мне всегда хотелось петь,

и слух имелся — но голосовые связки были ни к черту, я мог только помычать что-то под гитару или наговорить речитативом — и это максимум. А тут — вот такая вот роскошь. Хорошо быть эльфом, а?

А потом я вспомнил, почему дверь в вагон открыта, и снова запел, чтобы отвлечься от дурных мыслей. И плевать, что куплеты местами перепутал, зато петь, пересекая Дон, песню про донцов-молодцов — очень эпично!

— *Все запылало мщеньем-войною —*

Мщеньем-войною против врагов… — разливался соловьем я.

Проблема была в том, что после того как орки обожрались хтонятины, у нас в вагоне воцарилась очень нездоровая атмосфера. Если называть вещи своими именами — снага очень охеренно пердели. Это было просто невозможно, клянусь!

Чертова чувствительность к запахам меня убивала. Я даже подумывал купить себе респиратор в Воронеже или какие-нибудь ультрамодные фильтры для носа, благо — там нас обещали сводить в магазин, кафе, баню и вообще — погулять. И выдать наши вещи! И денег дать!

А еще выяснилось, что у меня и без подъемных имелись деньги. Я зарплату получал, как бы, до этого, а тратить в Болотных Ялинах особенно некуда, вот и копилась она несколько лет на счету. Счета, банки, электронные деньги и все такое прочее тут имелось.

Когда Шиховец сверял списочный состав ссыльных с выжившими, он зачитывал выжимки из личных дел. Оказалось, что я работал лесничим. Официально, как глава клана! Ялинское опытное лесничество ГОЛХУ «Речицкий земский лесхоз». ГОЛХУ — это Государево опытное лесохозяйственное учреждение.

Опытное — это потому, что по эльфийской методике вели дела, а не по человеческой. Никаких сплошных рубок, противопожарных просек и лесных культур стройными рядами.

Тут я мог судить компетентно: сучкоруб, конечно, не лесничий, но тоже — в теме!

А целый лесничий — это потому, что глава клана. Остальные мужчины у нас числились мастерами леса, лесниками, лесоводами, охотоведами… За это мы поставляли в это самое ГОЛХУ всякие-разные лесные ништяки — от грибов-ягод, березового сока, меда и смолы-живицы до лекарственных трав и древесины.

Но не так, чтоб делянки на распил выдавать, а с индивидуальным подходом: например, у нас в Березине имелись ямы с мореным дубом. Драгоценная, между прочим, вещь!

Ну, или там, если бурелом случайный происходил или сильно вредный короед какой-нибудь лес портил и санитарные рубки были просто необходимы — тогда уж от эльфов шли пиломатериалы самого высокого качества и с минимальными отходами. Даже древесная пыль пускалась на брикеты для отопления. Если уж гибнет дерево — то мы к нему

со всем уважением!

Это было действительно прикольно — вспоминать то, что никогда в жизни не переживал. Жизнь Мордуина мне представлялась чем-то вроде очень реалистичного сна, когда прекрасно понимаешь, что ничего этого с тобой в действительности не происходило, но вспоминаешь и прокручиваешь в голове образы и переживания ясно и четко.

— Славу и кости — все положили,

Все положили в русской земле! — допел я.

И подумал, что наши орки кости повыбрасывали в парашу — точнее гравитационный туалет, как его правильно зовут на железнодорожном жаргоне.

Перья тоже туда же полетели, кстати, и прочий мусор. Нехорошо! И я этот момент упустил. Насорили на железнодорожных путях хтоническими отбросами. Нужно будет им строгий выговор сделать… А с другой стороны — после Воронежа поеду в цивильных условиях, плевал я на этих орков. Я что им — воспитательница, на путь истинный наставлять? Если Клаус их в артель не уговорит вступить — пусть хоть на головы друг другу срут, мне какое дело?

Но вдруг жить и работать нам с ними еще предстоит? Тогда, конечно, другой вопрос…

Ветер развевал мои волосы, эльфийские глаза с необыкновенной точностью фиксировали прекрасный южный город на горизонте, буйную зелень, стаю птиц в небе, прогулочное судно на водной глади… Жизнь была прекрасна, несмотря

на вонищу в вагоне.

В любом случае — я обожал жизнь, и эта, новая, тоже мне нравилась. Электровоз впереди залихватски свистнул — и я на всякий случай спрятался внутрь вагона.

— Хороший у тя голос-врот, светлость… — проговорил кто-то из снага, которые потихоньку просыпались, чуя приближающуюся станцию. — Про войну и мщение-на — очень душевно. Четко сбацал!

— Тю! — сказал Кузя несколько высокомерно. — Так и я смогу!

— А чего спеть-то? — спросил я.

— «Мурку»! — вдруг выдал он.

И я заржал, как ненормальный, а потом выдал:

— Эх, кольца и браслеты,

Шляпки и жакеты

Разве ж я тебе не покупал?.. — и снова принялся ржать, пока не успокоился. А потом замахал руками: — Это без меня, пацаны. Песня, может, и хорошая, но я блатную романтику не очень люблю. Но если гитару найдем — я вам тут реально что-нить сбацаю…

— Четкий эльф-на, да? — переговаривались меж собой снага. — Нормальный ваще. Типа и не гамадрил никакой, а ровный пацанчик-ска, а?

Так и зарабатывается дешевый авторитет, кстати! Так что будет гитарка — нужно будет обязательно с собой на Аляску прихватить. Но и фильтры для носа — тоже.

Поезд въехал в плотную городскую застройку, так что я из вагона больше не высовывался. Загнали нас хоть и к черту на кулички, но все ж таки — Воронежский вокзал был в пределах досягаемости.

— Ну, всё, — сказал Кузя, решительно направляясь в сторону туалета. — Настало время удалиться. У меня дела в Воронеже ваще-то!

— В каком смысле — удалиться? — шокированно посмотрели на него все.

— Мне дальше с вами ехать дихлофосовно… Декомпрессорно. Дискомвротновно? Ай, ну вас! Я жирком гарпийным смазался, ща-а-ас проскочу! — он и правда сиял как масленый блин и двигался в сторону параши довольно решительно. — Короче, на Аляску — без меня!

Но чисто физически — он никак не мог туда протиснуться! То есть — это не было предусмотрено законами природы! Однако Кузю такие мелочи не смущали. Он почесался, смачно харкнул, закатил глаза — и принялся ввинчиваться в унитаз.

— Да ты ваще-на! Фокусник! — снага смотрели на гоблина с вытаращенными глазами.

— Чет не лезет, — задумался Кузя.

При этом, судя по всему, ноги его уже болтались внизу, за пределами вагона, а плечи, руки и голову мы еще видели.

— Он, как крыса, — сказал Клаус. — У него суставы выворачиваются, ферштейн?

— У него или у всех гоблинов? — заинтересовался Надфиль. — Может, его по голове стукнуть — и он пролезет.

— Не надо меня стукнуть! — запротестовал Кузя, громко рыгнул — и вычпокнулся прочь из вагона. — Щасливенько оставаться, неудачники!

Послышался топот маленьких ножек, и все — гоблин исчез.

— Обалдеть, — мы смотрели в очко все вместе. — Тут же сантиметров тридцать! КАК???

Но вскоре думать стало некогда: служивые из ОСИНа построили нас всех вдоль перрона и принялись выдавать наш багаж и застегивать каждому на ноге браслет.

— Мне не надо, — сказал я.

— Ему не надо, — кивнул Шиховец. — Он и так не сбежит. А гоблин ваш где?

— Последний раз мы его видели в толчке, — честно признался Саныч. — И он имел намерение остаться в Воронеже.

— А, ч-ч-черт… — Шиховец почесал голову. — Разберемся. В конце концов — гоблином меньше, гоблином больше… Кто его вообще в ссыльные записал? На койчерт гоблин на Аляске? Ладно… Эй, там! Раздавайте ссыльным личные вещи. Пойдем в баню все строем, а потом нам новый подвижной состав предоставят взамен поврежденного Хтонью.

Мужики из нашего вагона на браслеты смотрели с презрением.

А вот на личные вещи — рюкзаки, чемоданы и баулы — с плохо скрываемой любовью. Да и я свой сидор повесил на плечо с большим удовольствием. Там у меня — мыльно-рыльные принадлежности и смена белья, и полотенчик чистый, свежий… Эх-ма, кто в поезде двое суток по жаре ехал — тот меня поймет! А кто ехал вместе с пердючими орками и немытыми мужиками, а потом пережил нападение пернатых монстров — тот вообще осознает!

— Вещи разобрали? Построились? Двигаем через во-о-о-он те решетчатые ворота, налево, следом за унтер-офицером Пришибеевым! Сейчас в баню двигаем, по улице Кольцовской до поворота на Среднемосковскую. Банный комплекс «Нептун»! Кто потеряется — того будет бить током, это понятно? Не разбредаться, на девок не кидаться, в магазины не ходить — денег у вас все равно нет! А получите вы их после помывки, понятно?

Чего уж тут было непонятного?

Как только вся толпа ссыльных была объединена, она волей-неволей сначала перемешалась, а потом разделилась: люди скучковались с людьми, гномы — с гномами. Орки, соответственно, своей зелено-серой массой двигались в арьергарде.

А самым последним шествовал я. Ну а отчего бы не шествовать? Принц я или не принц, в конце концов? И вообще — Кольцовская улица плавно перетекла в Кольцовский бульвар, так что мне стало совсем хорошо. Шел себе, по сто-

ронам смотрел… И вдруг вздрогнул: снова глюки!

— Как же трахаться хочется, братцы! Трахаться хочу — мочи нет! — заорал кто-то писклявым голосом. — Эй ты, с красивой шейкой! Пойдем трахаться, а? Я нормально работать буду, с детьми тебя не брошу, гнездо нормальное устроим, только — ради всего святого, пойдем потрахаемся уже, мочи нет!

— Жилплощадь где располагается? — раздался такой же тонкий, но явно девичий голос. — Так-то ты бойкий парень, симпатичный, я б с тобой яйца высидела…

— Под крышей «Ярмарки на Донбасской»! Подруга, соглашайся, я щас вообще лопну, честно говорю! А там фудкорт, я нескольких человеков приручил, они мне картошку и крошки сыплют, когда я на стол сажусь. Я тебе приносить буду. Я нормальный парень, глянь, какие у меня перья клевые!

И тут я понял, что треплются воробьи на заборчике! Металлический такой заборчик, на котором сидели воробьи и чирикали! Пара самцов с коричневыми «шапочками» на головах, и одна самочка — серенькая, изящная. И в этот самый момент один из пернатых мужчинок как раз топорщил крыло.

— Ну да, крылья у тебя такие, мощные… — придвинулась к нему поближе воробьиха. — А точно — работящий?

— Обижаешь! Я работящий, хитрый и ловкий, я кошке на голову один раз насрал!

— Точно, я сам видел… — прочирикал сидящий рядом воробей.

— А тебе я что — не нравлюсь? — вдруг заинтересовалась воробьиха.

— Красивая ты баба, да я со своей уже третий год. Меня все устраивает, я за моногамию…

— И я — за моногамию, если подруженция такая симпотная, как ты! — первый воробей аж на месте запрыгал.

— Весной размер семенников у воробьев возрастает в 1127 раз по сравнению с обычным состоянием. При этом их вес достигает 5% от общего веса тела птицы, — сообщил я пернатым. — Так что, подруга, реально — пожалей парня. Он вроде толковый.

— О! Привет, старший брат! — обрадовались воробьи, вспорхнули и стали кружить вокруг меня. — А у нас ваши тут есть, живут, но все — немые, прям как люди. А ты — вон какой, настоящий! Откуда к нам?

— С Полесья, из Болотных Ялин. А меня точно не глючит?

— Да расслабься, все нормально, мы просто на одной волне, старший! — первый воробей уселся мне на одно плечо. На второе плечо уселась воробьиха.

Самочка спросила:

— Так что, считаешь — с ним стоит иметь дело?

— Если он тебя с яйцами бросит — я приеду и завяжу ему пипетку в узелок, ага? — пообещал я.

— Да ты чего, старший? — возмутился птиц. — Я нормальный! Я птенцов хочу, гнездо своё, обосноваться плотно желание имею!

— Ну, Эру Илуватар в помощь! — Я коснулся боевитого птица пальцем и послал ему самую капельку энергии жизни. — Давай, младший, лети со своей подругой, а я вон мыться пойду — хтонью воняет, сил нет.

— Давай-давай, старшой! Я всем передам, что ты приехал! — зачирикал воробей, и они упорхнули.

— Кабздец ты исполняшь! — на меня таращился охранник из ОСИН, который замыкал колонну. — Чего воробей-то говорил?

— Трахаться хотел. Весна! — пояснил я. — Вот, с подругой сговорился, полетят гнездо осматривать. Нормальный такой, бойкий парниша.

— Я б тоже не отказался… С какой-нибудь подругой… — мечтательно вздохнул «осиный». — Может, у тебя есть кто на примете, а, принц? Эльфиечка какая-нибудь?

Я посмотрел на него, принюхался и покачал головой:

— Не. С эльфийкой у тебя вряд ли получится.

— Это почему? — обиделся охранник.

— Жопу надо мыть, — пояснил я. — Почаще.

— Дал бы я тебе дубинкой промеж глаз… — мечтательно протянул он.

— Но не дашь. Потому как я принц и маг и в порошок тебя сотру в случае чего. А еще — я не зэк, а ссыльный. И

разговор этот ты первый начал, — отбрил я.

Охранник только зубом цыкнул, потому что я был кругом прав.

Там, в прошлой жизни, он бы мне точно втащил. Потому что там я не был принцем. Там я был деревенским парнем с Полесья. Темнорецкие, правда, вроде как считали себя шляхтой, но знаем мы эту шляхту — точно так же у сохи стояли, только вместо бороды — усы и поверх рваной рубахи — перевязь с саблей. Ибо — гонор, куда без него?

А после революции шляхтичем быть стало невыгодно, да и привилегий никаких не осталось.

А тут привилегии имели самое что ни на есть реальное воплощение. Вон я — на дубовые веточки десяток гарпий нанизал, вслепую! Слимака вылечил! Воробышков понимаю! Интересно — а других животных тоже или только пернатых?

Так что я продолжал шествовать и прислушиваться.

И уже у самого банного комплекса «Нептун» был вознагражден.

— Чтоб ты подавился, — ласковым голосом проговорил кто-то. — В одно горло жрешь. Как не стыдно! Высшее существо голодает, а ты, кожаный ублюдок, жрешь…

Сначала я увидел жрущего: толстый дядька сидел на лавочке посреди бульвара, разложив газетку рядом с собой. На газетке у него стояла поллитровая стеклянная бутылка с жестяной пробочкой, лежал нарезанный хлеб, зеленый лук и ломтики сала. И это самое сало он ел со смаком, отправляя в

рот маленькими кусочками и причмокивая своими толстыми губами.

— Зачем ему сало? — задумчиво проговорил голос. — Он и так толстый! Я бы запретил всем толстым есть сало… Я возьму его себе, это будет гуманно и оправданно с этической точки зрения. Я спасу его от ожирения!

Рыжая молния метнулась из-под моих ног, моментом пересекла расстояние до лавочки, вспрыгнула прямо на газетку… Котяра — поджарый, матерый, с разорванным ухом — вот кто это был! Он не ограничился ломтиками — вцепился зубами в ненарезанный кусок, большой, величиной с человеческую ладонь, и, не сбавляя скорости, рванул прочь по бульвару.

— Стой, скотина! — заорал толстый мужик, даже не потрудившись встать с лавочки. — Сало, мое сало!

Но куда там! Какой нормальный человек бы в такой ситуации остановился? Даже если этот человек — кот?

В «Нептун» я входил в приподнятом настроении: мир Тверди преподнес мне еще один сюрприз. Теперь я понимаю язык животных! И это — весьма прикольный бонус, пускай и несут они порой полную ахинею.

9. С ЛЕГКИМ ПАРОМ

Баня — это очень охеренно.

Но общественная баня — разговор отдельный. Мне как бы что в той, что в этой жизни стесняться было нечего — телосложение худощавое, крепкое, рост — тоже вполне себе, все органы и конечности — приличного размера. И сама баня «дагледжаная», как говорят в Беларуси. Досмотренная, в общем, благоустроенная, современная. Даже странно, что ее под ссыльных отдали!

Но!

Я тут был единственным эльфом! Так-то, в плане расового состава и среди ссыльных, и вообще — вокруг, в обществе, преобладали люди. Конкретно в нашей банной партии человеческих мужиков всех мастей можно было наблюдать процентов семьдесят, наверное. Потом — снага, их — процентов двадцать. И гномы — еще десять. Ну и я!

И время от времени ко мне кто-нибудь подходил, чтобы сообщить:

— А я думал, у эльфов три яйца!

Не очень охеренно! Что за бредятина вообще? Откуда могла возникнуть такая идея? Две руки, две ноги. Два глаза, два уха. Две ноздри! Почему — три яйца? На пятый раз я сказал громко, на весь предбанник:

— Тому, кто следующий спросит у меня про яйца, я вма-

наю шайкой!

— А сдюжишь? — подошел ко мне огромный бородатый мужчина лет сорока.

Крепкие руки, мощная грудь, приличное пузо выдавали в нем человека недюжинной силы. Его чресла были опоясаны махровым полотенцем, на правом плече имелась армейская татуировка, аура просто сияла зеленью. Очень жизнеспособный и жизнелюбивый персонаж, похоже!

— Сдюжишь — не сдюжишь, а причешут — заутюжишь! — откликнулся я. — На один бросок шайки меня хватит. А видит Единый Всеотец — он же Эру Илуватар, — швыряюсь я отменно.

— Что — и гранатами? — поинтересовался он.

— И гранатами, — кивнул я.

— Я тебя в добровольцах видал, да? — пошевелил бровями он.

— Вполне, — кивнул я. — Могло такое быть. Полесская сотня, совместные операции с Ордой…

В голове моей стрикнуло: ЧВК «Орда»! Точно! Орочья боевая вольница, организованная черным уруком по имени Бабай Сархан, тем самым паном-атаманом, о котором трендел Кузя. И одновременно с этим — франшиза быстрого питания!

Эти инсайты приносили мне почти физическое удовольствие — приятно вспоминать то, чего никогда не знал.

— Пацаны! — громовым голосом пророкотал бородач. —

Это наш эльф, боевой! Из добровольцев!

Ответом ему стал согласный гул.

— Теперь тебя на тронут, — сказал он. — По крайней мере, наши, из ветеранов. Спокойно мойся, все в порядке.

— Да я как бы… — немножко понтуясь, я зажег глаза зеленью. — И так спокоен.

Здоровяк пожал плечами и свернул трубочкой металлическую шайку, которую держал в руках. Эфир вокруг его кистей и предплечий просто с ума сходил!

— Боевой маг? — вспомнил я название одаренных с телесными сверхспособностями.

— Пустоцвет, — кивнул он. — Не на тех поставил в зимней замятне, дурня свалял, поверил, что Государь умер! Да, меня Гера зовут. Я из Паричей сам, у меня там имение небольшое было, двадцать душ кабальных… Теперь — всё конфисковали. А ты чьих будешь?

— Стах из Болотных Ялин, — представился я, и мы пошли в парилку.

— Тот арнель Станислав Мордуин, за которого Дуботовки награду назначили? — поинтересовался бородатый Гера.

— И много назначили? — ответил вопросом на вопрос я.

— Сто тысяч денег! — ответил он. — Солидная сумма. Машину можно купить! Но за мага и ветерана Эльфийских Стрелков — маловато.

— Так мне можно не опасаться, что ты меня в узел вязать станешь? — широко улыбнулся я.

— Не опасайся. Я не дурак, чтобы с полным магом жизни бодаться… — вернул улыбку Гера. — Кстати, зуб не подлечишь мне? Я заплачу, по рыночной таксе…

Я согласился глянуть ему зуб — когда мы покинем город, на следующей станции. Уверенности в том, что смогу оказать квалифицированную помощь, не было, но плеснуть немного жизни — это можно, организм у него крепкий, если там ничего серьезного — и сам справится.

Парилка тут была что надо, жар пробирал до костей, пахло хвоей и потными мужиками. Но это пот был чистым, от него не хотелось блевать — нормальный, природный запах. Трижды сходил в парилку, вымылся до скрипа под ледяным душем с мочалкой и дегтярным мылом, расчесал и заплел волосы, надел чистое белье, штаны и рубаху — и почувствовал себя человеком.

Тьфу ты! Конечно — эльфом! Настоящим, лесным остроухим принцем. Ничего не болело, ничего не воняло, жизнь была прекрасна.

— Мой небосвод хрустально ясен
И полон радужных картин!
Не от того, что мир прекрасен,
А от того, что я — кретин! — продекламировал я замечательные стихи замечательного поэта, выходя на крыльцо банного комплекса «Нептун».

И тут же, в этот самый миг, у крыльца остановился электрокар. Розового цвета! Выглядела тачка очень круто — что-

то спортивное, с задним спойлером и прочими модными штучками. И мне оттуда посигналили!

Я как-то не привык, чтобы мне из каких-то роскошных машин сигналили роскошные женщины. Будучи Стахом Темнорецким там, на Земле, все свои знакомства с прекрасным полом я приводил к общему знаменателю, скорее пользуясь временным охреневанием приятной мне мадмуазели от моего образа жизни, манеры общения и всей моей фигуры в целом. Потом, правда, милые дамы разбирались в том, что человек я по жизни неудобный, и сбегали. Одна святая подвижница прожила со мной почти два года, но бросила после того, как я ее отцу и брату морды набил. За что, кстати, и отсидел пятнадцать суток.

А чего они? Мне какая разница — будущий тесть, будущий шурин или хрен с бугра? Вести себя прилично надо и слушать собеседника. А вот это «я тебя сейчас перебью» — и после этого перебивать… Это как вообще? Это потому, что они — в пиджаках, а я в майке с Джоном Сильвером из мультика «Остров Сокровищ»? Или какая еще причина может быть так себя в разговоре вести?

Но хорошая была девушка, правда — хорошая. А брат и отец у нее — дебилы, так тоже бывает. Так что — не срослось.

Короче — мне сигналили из шикарной машины. И делала это явно женщина, и притом — молодая и видная, насколько я мог рассмотреть сквозь стекло.

— Сударь, не хотите ли вы прокатиться по вечернему Воронежу и выпить бокал вина с одинокой знаменитой поэтессой? — раздалось из электрокара, и я заглянул внутрь.

Дамочка во всех отношениях была приятная. Возрастом эдак двадцать пять — тридцать; стройненькая — даже тоненькая, — но с очевидными округлостями, которые не могло скрыть розовое платье; с косо обстриженными каштановыми волосами; горящими угольками глаз и несколько хищным, но красивым ртом.

— Кто ты, чьи глаза сияют ярче, чем стразы?

Ты понравился мне издалека и сразу!

Я бы хотела защитить тебя от всякой заразы,

Дарить тебе любовь, вино и топазы… — вдруг бархатным голосом продекламировала она.

Получилось у нее здорово. В смысле — декламировать. Стихи-то очевидное дерьмо, это ежу понятно. Эдакий рэпачок в духе начала двухтысячных.

— Вы что же — склеить меня пытаетесь? — спросил я. — Это, типа, так работает?

Дамочка резко, энергично покинула машину, обошла ее по кругу и уселась на капот. Длинные, стройные белые ноги ее были отлично видны сквозь разрез платья. Она еще и закинула одну ногу на другую, и головой тряхнула изящно, чтобы я оценил ее фигуру по достоинству.

В порядке у нее все было. Бедра крутые, грудь — небольшая, но такая, притягательная… Правда, загорать очевидно

не любила. А с другой стороны — май на дворе, какой загар?

— Аделаида Потоцкая, — сказала она, добавив в голос чувственной хрипотцы. — Так меня зовут. Знаете, я — человек вдохновения. И вы очень меня вдохновили. Вы вышли на крыльцо и смотрели в небо, и это закатное солнце, и этот вечер… Мне кажется, сейчас — то самое время. Время для встречи, которая может изменить две жизни! Я не могла не остановиться, понимаешь?

Мне дорогого стоило не закатить глаза. Если девушки испытывают такой же испанский стыд, когда к ним подкатывают — то храни их Эру за терпение и за то, что вообще хоть у кого-то в этой жизни рождаются дети.

Потоцкая тем временем встала с капота и подошла ко мне… И, Мелькор побери, очень зря это сделала! Потому что я принюхался и едва сдержался, чтоб не вздрогнуть. Все-таки иногда быть эльфом — это проклятье!

— Как вас зовут, сударь? Я чувствую: между нами уже что-то витает в воздухе, — она весьма романтично поправила волосы. — Вы и сами это чувствуете…

— Меня зовут Стах, и я чувствую запах китовой отрыжки, — сообщил я. — Именно он и витает в воздухе. Вы используете парфюмерную композицию с натуральной амброй, и это говорит о том, что в последнее время ваши финансовые дела идут в гору — такие штуки наверняка дорого стоят. Но лучшим ароматом, на мой взгляд, является природный, чистый запах женщины. А от вас, кроме китовой отрыжки,

еще и куриными эмбрионами попахивает. Знаете, экстракты куриных эмбрионов действительно увеличивают синтез коллагена, но аромат от всех этих кремушков — скверный, ей-Эру.

— Что-о-о? — она чуть не подпрыгнула. — Вы хам! Я увидела эльфийского принца, а вы…

— …обычный полесский хрен с бугра, ага. Из дикого леса дикая тварь! — я чуть не заржал. — И в целом — личность не очень охеренная. Какое мне дело до того, что вы увидели? Я что, в этом виноват? Вы прекрасно выглядите, у вас отличные ножки, шикарный голос и прикольная прическа. Но меня тошнит от того, как вы пахнете. Почему я должен это скрывать? Не вижу ни единой причины. Я встречаюсь с вами в первый и последний раз в жизни, потому что через пару часов с партией ссыльных отбываю на Аляску, и наша эта «судьбоносная встреча» не имеет ровным счетом никакого значения. Вон, мои товарищи выходят из бани… Гляньте, какие красавцы…

Как раз из дверей появились снага, которые разговаривали про какое-то очередное говнище. Один из них при это ковырялся в носу, кажется, всей ладонью сразу. Аделаида поморщилась, но ретироваться не торопилась.

— У меня есть связи, Стах, — лицо Аделаиды Потоцкой вдруг посерьезнело. — Ссылку можно отменить, отсрочить, приговор — переквалифицировать. И косметика, парфюм — это наносное. Я этим совсем не дорожу. Природный за-

пах… В этом есть шарм! Мы могли бы с вами уже сегодня ночью купаться в прохладных водах Дона, потом — пить вино на крыше моего домика в Лазурном…

— Есть еще одна проблема… — задумчиво почесал подбородок я.

На самом деле все это звучало заманчиво, но, во-первых, я не верил в любовь с первого взгляда, а во-вторых — знал, что эта самая Аделаида уже через три дня взвоет и попробует избавиться от моего общества.

— Нет нерешаемых проблем, — небрежно взмахнула она рукой.

— О, есть! — я оскалился. — Такое дело: я никогда не стану эльфийской шлюшкой, ага? Я не проституточка на одну ночь, меня не интересуют топазы, особняк в Лазурном и клевая тачка. Это моя принципиальная позиция. Меня нельзя снять, понимаешь? Может, если бы на тебе были рваные джинсы и подкатила ты на велике… Тогда бы что-то у нас и срослось, даже несмотря на ссылку. Ножки-то у тебя на самом деле классные, и голос — просто отпад.

— Подонок! — сказала Аделаида.

— Однозначно, — кивнул я.

Поэтесса обошла по кругу свой модный электрокар, показала мне средний палец, села за руль — и стартанула с места в карьер, только мелкие щепочки и мусоринки в воздух поднялись.

— Че хотела телка-на? — спросил Слимак, который по-

дошел и встал рядом.

— Трахаться с красивым эльфом, — пожал я плечами.

— А ты че?

— А у меня тут не проститутошная, я таких услуг не оказываю, — развел руками я. — И пахнет от нее китовой отрыжкой.

— Ва-а-а-ау! — почесал пузо снага. — Отрыжкой пахнет? Китовой?! Отпад!

Вот уж правда — что орку радость, то эльфу — смерть. Или как там оно было?

Чтобы как-то перебить дурацкое послевкусие от встречи с Аделаидой Потоцкой, я огляделся по сторонам. На крыльце тут стояли прикольные кашпо — керамические, может, даже ручной работы, с цветущими бархатцами и петуниями. Я увидел над одним из цветков зависшего в полете бражника — эдакую насекомую образину, похожую на колибри. И, честно говоря, засмотрелся. Красивый бражник! Отвлек меня только встревоженный голос Слимака.

— Берегись, прынц! — крикнул орк.

Я едва-едва успел уклониться — мне в бок чуть не воткнули железный штырь!

Какой кретин будет тыкать в бок живому человеку железным штырем посреди бела дня?

Я думал об этом, на одни рефлексах мощным прыжком перелетая через ограждение и кашпо, сваливая с крыльца нафиг. Я приземлился прямо в густые заросли какого-то жест-

колистного кустарника — вроде туи или можжевельника — и здорово ободрал лицо и руки, но перекатился и встал. Мельком глянул на бок: под жилеткой расползалось красное пятно. Свежая, чистая рубашка оказалась испорчена, и это было очень не охеренно. Меня все-таки достали, получилась глубокая царапина, неопасная, но неприятная. Залечу, надо только пережить следующие пару минут.

— Мочи, мочи его!

Пара мужиков из ссыльных сбегали с крыльца, пока остальные тупили. Эти двое были очевидно агрессивно настроены: один сжимал тот самый штырь, второй — размахивал деревянным черенком с гвоздями. Остальные наши не торопились вмешиваться — даже Слимак, предупредив меня, посчитал свою миссию выполненной. А я его от смерти спас!

Да и хрен с ними со всеми! Сам разберусь!

Я не стал убегать, напротив — прыгнул к крыльцу, вынул из кронштейна кашпо с бархатцами…

— Н-н-на! — мужик со штырем попытался отбить летящий ему в голову керамический горшок своим оружием и уклониться, но в целом — не преуспел. Его рука хрустнула и вместе с железякой и кашпо впечаталась в лицо нападающего.

Горшок с цветами весил килограммов десять, не меньше, так что удар получился страшный. Это был чистый нокаут! Я бы даже сказал — фаталити! Мужик со штырем распла-

стался на газоне, не подавая признаков жизни.

Второй — тот, который орудовал черенком от швабры с гвоздями, — кинулся на меня, а я кинулся на него.

— Убью! — вопил он явно не очень уверенно.

— Хер там! — я вошел в клинч, вцепился ему в руки, сжав запястья мертвой хваткой и не давая огреть меня палкой по башке.

Я врезал ногой по яйцам.

— Уй-юй-юй… — агрессор скукожился на газоне рядом со своим подельником, выпустив черенок.

А я черенок перехватил и врезал гаду несколько раз по жопе, потому что выбесили они меня невероятно. Что за идея вообще такая — тыкать в меня острыми предметами и размахивать палками с гвоздями? Никакой, ять, культуры! Куда смотрит, так сказать, семья и школа?

Закончив экзекуцию, я выбросил черенок, выдохнул и дотронулся до своего бока под жилеткой, сканируя его одновременно эфирным зрением… Ну да, похоже — повреждена кожа и мягкие ткани. Если бы не Слимак — продырявили бы мне печень, гады!

Вокруг было слишком много людей, так что подпитаться от растений возможности не имелось… Да и из этих босяков черпать жизнь посреди толпы — не с руки. Что ж — плевать! Главное — кровь остановить, а там разберусь. Направив жизненную энергию из центра груди к царапине, я ощутил страшный зуд в поврежденном месте и скрипнул зубами,

дожидаясь, пока ранка затянется.

— Всем ни с места! Никому не двигаться! — заорал Шиховец, выбегая из дверей бани. — Темнорецкий — на землю! На землю!

— Курва! — сказал я, и не думая подчиняться его приказам. — Этот тип мне продырявил бок! Второй размахивал деревяшкой! Они на меня напали — я их нейтрализовал! А мог бы тут все в пустыню превратить, имей в виду, майор!

Охрана подбежала с явным опозданием, они как будто специально ожидали в «Нептуне».

— Пока что я вижу только одного эльфа, который избил двоих людей подручными предметами, — сказал начальник охраны, подходя поближе и держа кобуру на своем поясе открытой. — Вы нарываетесь, арнель!

— Варежкин первый на эльфа напал-на, — сказал вдруг Слимак. — Все видели. И Боровик с ним. Они вдвоем напали-ска. Но наш прынц их отделал-врот. Одного — горшком, второго — по яйцам.

Второй снага из нашего вагона — я и имени его не запомнил — вдруг тоже встал на мою сторону:

— Веди к судье, начальник-ска! Я присягу дам — Варежкин в бане от Геры Шатилы про бабосы-врот услышал и захотел прынца укокошить-на! Я слышал: они с Боровиком говорили, что хоть на каторгу поедут, а для своих близких денежками разживутся-ска.

— Бабосы… — наморщил нос Шиховец. — Что вы мне

тут очки втираете?! Построились все! Черепашин, глянь — эти двое живы?

Черепашин служил кем-то вроде санинструктора или фельдшера и теперь склонился над покалеченными мной ссыльными.

— Варежкин без сознания, — констатировал он. — Похоже — перелом челюсти, и совершенно точно — перелом лучевой кости на правой руке.

— Он щас сдохнет? — уточнил «осиновый» майор.

— Не должен.

— А второй?

— Пострадали тестикулы, а подробнее… — Черепашин принялся осматривать Боровика. — Руки, сволочь такая, убери!

— Уй-юй-юй! — сопротивлялся Боровик.

— …жить будет, короче, — констатировал Черепашин. – Даже своими ногами пойдет.

— Петровский, Алёхин — найдите в «Нептуне» одеяла, покрывала — что-то типа носилок. Потащим на вокзал. Сдадим их под счет сменщикам, а дальше — плевать, пусть хоть сдохнут, там уже будет не наша забота. До Орска их другие повезут! — решил Шиховец.

— И что, — подал голос я. — Так просто это оставите? Покушение на убийство?

— О-о-о-о, ты хочешь, чтобы я устроил настоящее расследование, твоя светлость? — майор скорчил рожу. — Пе-

ребьешься. Можешь жалобу на меня написать, мне плевать.

— Следующего, кто меня атакует, я убью, — сообщил я всем окружающим. — Сто тысяч денег — хорошая сумма. Но тот, кто на меня нападет, — наденет деревянный макинтош и вокруг него будет играть музыка, которую он не услышит. Клянусь Эру Илуватаром. Lammen Eru Ilúvataro: gurthanin i nantha!

На эльфийском я дублировал для пущего эффекта, а для наглядности — задрал рубашку и показал затянувшуюся рану:

— Я — маг жизни. Я мог бы вычерпать этих двоих до донышка, забрать всю жизнь до капли, и тут лежали бы сухие мумии. Я хочу, чтоб вы ясно себе это представляли…

— Хорош трепаться, светлость, — небрежно прервал меня Шиховец. — Если ты кого-то убьешь — то ответишь по закону.

— Так же, как эти? — поднял бровь я, имея в виду Боровика и Варежкина.

Майор, может, и огрызнулся бы как-нибудь затейливо, но Алёхин и Петровский принесли покрывало. На него погрузили Варежкина, а Боровика и еще нескольких человек из его вагона заставили тащить пострадавшего. Они волками на меня смотрели, как будто я ради их удобства должен был сдохнуть. Дать себя проткнуть штырем, чтобы они не перетрудились…

— Марш-марш, ссыльные! — крикнул Шиховец.

И мы двинулись к вокзалу.

Гера Шатило, тот самый боевой маг, пошел рядом со мной.

— Я думал — ты не сдержишься. Обычно эльфы не большие охотники кулаками махать. Или стреляют, или магичат, — сказал он. — А ты вон какой борзый!

— Я не очень обычный эльф.

Мне вдруг в голову пришло, что из-за него на меня и напали.

По крайней мере, кроме него, никто не знал о деньгах за мою голову, пока он довольно громко не обсудил со мной этот вопрос в бане. Да и вообще — кроме меня и его, ни одного ссыльного мага-дворянина в «Нептуне» не было. Наверное, прохлаждались в какой-нибудь клевой гостинице или спа-комплексе…

Жалел ли я о произошедшем? О, нет. Не сходил бы в баню — не познакомился бы с парой воробьев, одним боевым магом-пустоцветом и поэтессой Аделаидой. Если бы не инцидент с железным штырем — день можно было считать очень охеренным.

С легким паром, чтоб меня!

1

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.